

Р. В. Зимовец

ОБРАЗ КАБАНА В СКИФСКОМ ЗВЕРИНОМ СТИЛЕ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ. ВНУТРЕННЯЯ ЭВОЛЮЦИЯ И ВНЕШНИЕ ВЛИЯНИЯ

Статья посвящена рассмотрению относительно редкого, но важного для репертуара скифского звериного стиля образа кабана. Анализируются источники формирования иконографии и стилистики образа, его внутренняя эволюция, а также роль ближневосточных и греческих влияний. Полнофигурные изображения кабана в Северном Причерноморье редки, и выполнены, в большинстве своем, из золота. Как правило, они украшают предметы вооружения (колчаны, ножны мечей) и ритуально-культовые изделия (чаши, калафы). Большое распространение получил мотив обособленной головы вепря, появляющийся на рубеже VI—V вв. до н. э. и представленный, в основном, на бронзовых бляхах и кабаньих клыках. Можно проследить два стилистических направления развития этого мотива: «лаконичное», связанное с савроматским влиянием и реалистично-декоративное, ставшее результатом дальнейшей разработки мотива боспорскими мастерами. В научный оборот вводятся два новых изделия с изображением кабана, происходящие с территории Крыма.

Ключевые слова: скифский звериный стиль, образ кабана, савроматы, Боспор.

Образ кабана, в сравнении со многими другими персонажами репертуара скифского звериного стиля Северного Причерноморья характеризуется рядом особенностей. Во-первых, он относительно редкий. Единичны изображения эпохи скифской архаики. В классическое время их количество увеличивается, но все же, полнофигурные образцы встречаются нечасто. Более-менее массово получает распространение мотив обособленной головы вепря на бронзовых бляшках-деталях конской узды, в отличие от выполненных, в основном, в золоте полнофигурных изображений. Во-вторых, этот образ хронологически и типологически дискретен,

© Р. В. ЗИМОВЕЦ, 2019

характеризуясь существенной вариативностью. Несмотря на наличие сходных изображений, все они, хотя бы в деталях, разнятся между собой. Четко прослеживается отличие изображений архаической и классической эпох, а в рамках последней — различия внутри групп полнофигурных и редуцированных изображений. Так что эволюция образа не выглядит последовательной, и типологические сходства удастся проследить, в первую очередь, в рамках определенных серий.

Такая дискретность образа, на наш взгляд, является результатом взаимодействия различных традиций, участвовавших в его формировании, а также разносторонних культурных влияний, которым он был подвержен на территории Скифии. В свою очередь, следы этих взаимодействий и влияний позволяют проследить линии связей скифского населения Северного Причерноморья как с культурами скифского круга иных регионов Евразии, так и с окружающими его соседями, что и является основной темой данной статьи.

Архаический период. Изображения кабана в Северном Причерноморье в VII—VI вв. до н. э. буквально единичны. И в этом — одно из существенных отличий искусства Скифии по сравнению с центральноазиатским регионом, где в VIII—VI вв. до н. э. фигуры кабана в позе «внезапной остановки» (с вытянутыми наискось вперед ногами) или «стоящих на кончиках копыт» (со свисающими ногами) получили очень широкое распространение. Единственным подобным экземпляром, происходящим из Днепровской Лесостепи является фигурка кабана на бронзовой бляхе из кургана 38 у с. Гуляй-город, относящегося к середине VI в. до н. э. (Ильинская 1975, с. 58, табл. II:

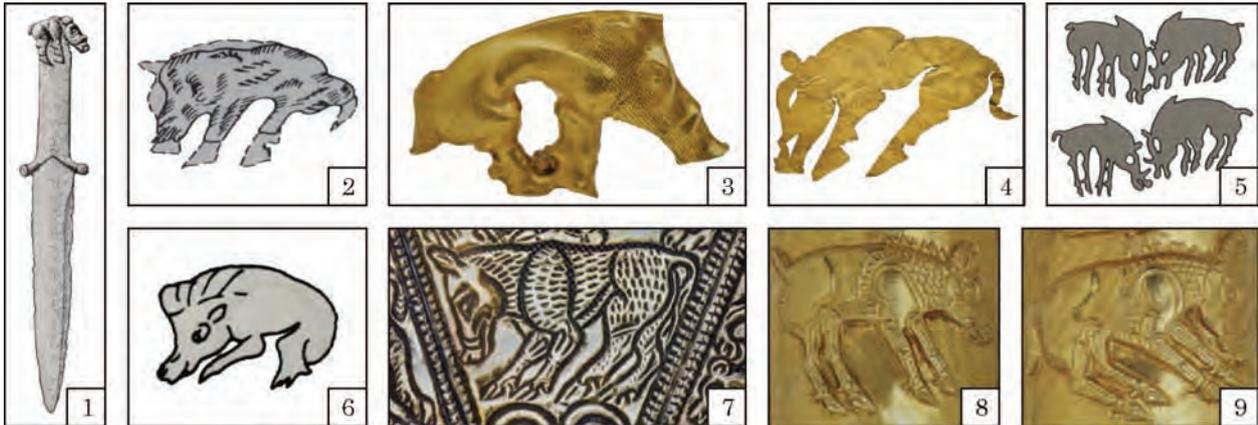

Рис. 1. Образ кабана в позе «внезапной остановки» или «стоящего на кончиках копыт»: 1 — Аржан; 2 — курган 38 у с. Гуляй-город; 3 — золотая бляшка из кургана Аржан 2; 4 — курган 5 Чиликты; 5 — олений камень из кургана Аржан 2; 6 — кабан на шпильке с навершием в виде полушаровидной головки, Аржан 2; 7 — кабан на золотой накладке зеркала из кургана 4/III Келермеса; 8, 9 — кабаны на золотой секире из кургана 1/III Келермеса. Масштаб произвольный (по: 1, 3, 5, 6 — Чугунов, Парцингер, Наглер 2017; 2 — Ильинская, Тереножкин 1983; 7—9 — Алексеев 2012)

28) (рис. 1: 2). При этом иконография данного изображения уходит корнями в более архаическое время, находя аналогии на золотых аппликациях из кургана 5 Чиликты, VII в. до н. э. (Алексеев 2012, с. 52—53), золотых бляшках и шпильке из кургана Аржан 2, конец VIII в. до н. э. (Чугунов, Парцингер, Наглер 2017, с. 382), наверший бронзового кинжала из кургана Аржан, VIII в. до н. э. (Грязнов 1980, рис. 11: 3), и целой серии подобных наверший из Минусинского края, также относящихся к эпохе скифской архаики (Членова 1967, с. 273, табл. 23), на бронзовой бляхе из Костанайской обл. и зооморфных оформлениях бронзовых зеркал из кургана 6 могильников Лебедевка 2 и Жыланды (VIII — первая половина VI вв. до н. э.) в Казахстане (Бейсенов, Джумабекова, Базарбаева 2015, с. 88, рис. 68; с. 94, рис. 73—74, с. 98 рис. 77)¹ наконец, на оленных камнях и петроглифах саяно-алтайского региона (Килуновская, Семенов 1999, с. 133) и Казахстана (Бейсенов, Джумабекова, Базарбаева 2015, с. 31, рис. 18: 2; с. 97, рис. 76; Бейсенов, Марьяшев 2014, с. 144—146, табл. VI—VIII). Отличительной чертой иконографии всех этих изображений кабана является узкое поджарое тело животного и увеличенная массивная голова, опущенная вниз. При этом, как правило, голова имела удлинённые пропорции, лоб изображался плавно покатым, без резкого перехода. Иногда показывались все четыре ноги, иногда же изображение строго профильное, с двумя ногами (рис. 1: 1, 3—5).

Если для территории Днепровской Лесостепи кабан из Гуляй-города уникален, то в Предкавказье мы находим три изображения, выполненные в близкой иконографической схеме в

таком знаковом памятнике как Келермесские курганы. В. А. Кисель обратил внимание на тот факт, что позы двух кабанов, изображенных на знаменитой секире из кургана 1/III, отсылают нас к раннескифской центральноазиатской традиции. Один из кабанов показан как бы подвешенным в воздухе, или же стоящим на кончиках копыт. Второй — в позе «внезапной остановки» (рис. 1: 8—9). Обе позы хорошо представлены в архаических скифских памятниках Центральной Азии, от предметов торевтики до оленных камней (Кисель 1997, с. 26—28). Хотя, безусловно, келермесские изображения подверглись существенной переработке переднеазиатскими мастерами, что проявилось в стилистическом влиянии элементов урартской, ассирийской, луристанской, эламской, хеттской традиций. Также в позе «внезапной остановки» мы видим и кабана на зеркале из Келермесского кургана 4/III (рис. 1: 7) Его скифская стилистика также подчеркивается «горбиком» и «выемкой на бедре» (Кисель 2003, с. 97)². М. Ю. Вахтина и А. Р. Канторович, наоборот, расценивают данный образ как «стилистически преимущественно переднеазиатское или восточногреческое изображение со скифо-сибирскими композиционными элементами» (Вахтина 2005; Канторович 2015, с. 523). На наш взгляд, принципиальным здесь является как раз фиксация немногочисленных, но именно поэтому настолько интересных и важных центральноазиатских импульсов в раннескифском искусстве и, в частности, в таком

1. Подробная сводка находок изделий с изображением кабана на территории Казахстана (Бейсенов, Джумабекова, Базарбаева 2015, с. 89).

2. «Варварский» характер этого изображения был отмечен, в свое время, еще М. И. Максимовой. Она же провела сравнение кабана с зеркала с изображением на парадной секире из кургана 1/III (Максимова 1954, с. 286, 298). Однако параллели с центральноазиатскими изображениями исследовательницей не были проведены.

знаковом памятнике как Келермесские курганы. К ним, помимо изображения кабанов на зеркале и секире, необходимо отнести лосей с той же секиры, лошадей с золотых фаларов из кургана 4/Ш, а также оленя на серебряном ритоне из кургана 3/Ш (Кисель 1997, с. 26—28, 34; Зимовец, Окатенко, Скорый 2018, с. 223—224; Савинов 1987, с. 113—114). Что же касается гуляйгородского изображения, то оно также явно указывает на связь с центральноазиатской архаической традицией изображения кабана. Относительно поздняя дата кургана 38 не должна нас смущать, поскольку бляха могла использоваться достаточно долго; возможно, она попала в Днепровскую Лесостепь непосредственно с мигрантами из центральноазиатских областей.

Помимо двух рассмотренных, на келермесской секире представлены изображения еще трех кабанов. Двух — в геральдической композиции (в зеркальной симметрии) на нижнем торце рукояти и одного бегущего на золотой обкладке ручки (рис. 2: 2; 3: 5). Иконография парных кабанов существенно отличается от описанных выше. У них подогнутые под туловище и вытянутые вперед ноги. В то же время стилистика исполнения всех пяти кабанов, в целом, сходна. На секире присутствуют и другие парные композиции — с изображением горных козлов, стоящих перед деревом жизни, а также скульптурным изображением козлов на обухе. Аналогичные композиции с изображением оленей и горных козлов были распространены на Ближнем Востоке с глубокой древности. Они встречаются в бронзах Луристана II и начала I тыс. до н. э., на печатях типа Керкук середины II тыс. до н. э., где они изображены по бокам священного дерева жизни (Членова 1967, с. 125; Вязьмитина 1963, с. 163). Поэтому вполне вероятно, что именно эта ближневосточная схема послужила прообразом и для схожего изображения кабанов на секире¹. Ближневосточной по своему происхождению является и иконография бегущего кабана с вытянутыми вперед — передними и назад — задними ногами. Она встречается на хеттских рельефах уже в XIV в. до н. э. (Bittel 1976, p. 197, fig. 225).

С середины VI в. до н. э. в Скифию проникают греческие изображения вепря. Так, на центральной ручке зеркала из кургана 35 у с. Бобрица в Приднепровской Лесостепи изображен кабан, выполненный в греческой манере (Бобринский 1901, фиг. 62, табл. XIX: 11; Ковпаненко 1981, рис. 10: 1) (рис. 2: 1). В отличие от центральноазиатской традиции, греки изображали кабана с массивным туловищем

1. Необходимо отметить, что и в раннем искусстве кочевников геральдические композиции (в том числе и с изображением кабанов) были известны (Артамонов 1973, илл. 134). Но все же, иконографически (не говоря уже о стилистике) они далеки от келермесских экземпляров.

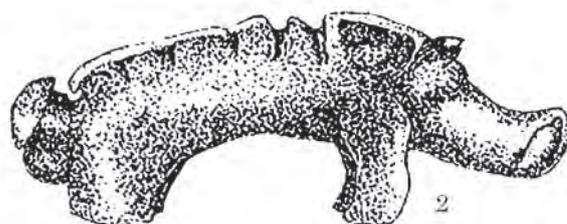

Рис. 2. «Нескифские» изображения кабанов в скифских архаических памятниках: 1 — кнопка ручки зеркала из кургана 35 у с. Бобрица; 2 — бронзовая фигурка кабана из кургана 2 у с. Текливка; 3 — на рукояти келермесской секиры. Масштаб произвольный (по: 1 — Скорый 2003; 2 — Гуцал, Гуцал, Могилов 2011; 3 — Алексеев 2012)

и маленькой головой с хорошо выделенным крутым лбом и длинной щетиной, тянущейся, как правило, вдоль спины, что находит многочисленные аналогии в античной вазописи и нумизматике. Кабана показывали в движении: шагающим, бегущим, терзаемым². С. И. Капошина предположила, что бобрицкое зеркало могло быть изготовлено в Ольвии (Капошина 1956, с. 182—183). Хотя морфологические аналогии подобного рода зеркал с центральной ручкой опять уводят нас в Центральную Азию (Алексеев 2003, с. 46—47). В любом случае, важно констатировать, что греческая трактовка образа кабана весьма рано проникает в скифскую среду и, более того, предметы с этим образом используются в ритуальных целях. Впрочем, уникальность бобрицкого зеркала не позволяет делать окончательные выводы о

2. См. напр.: Boardman 2014, p. 118, fig. 166; Vaticano Museo Gregoriano Etrusco 2003, p. 81, 100.

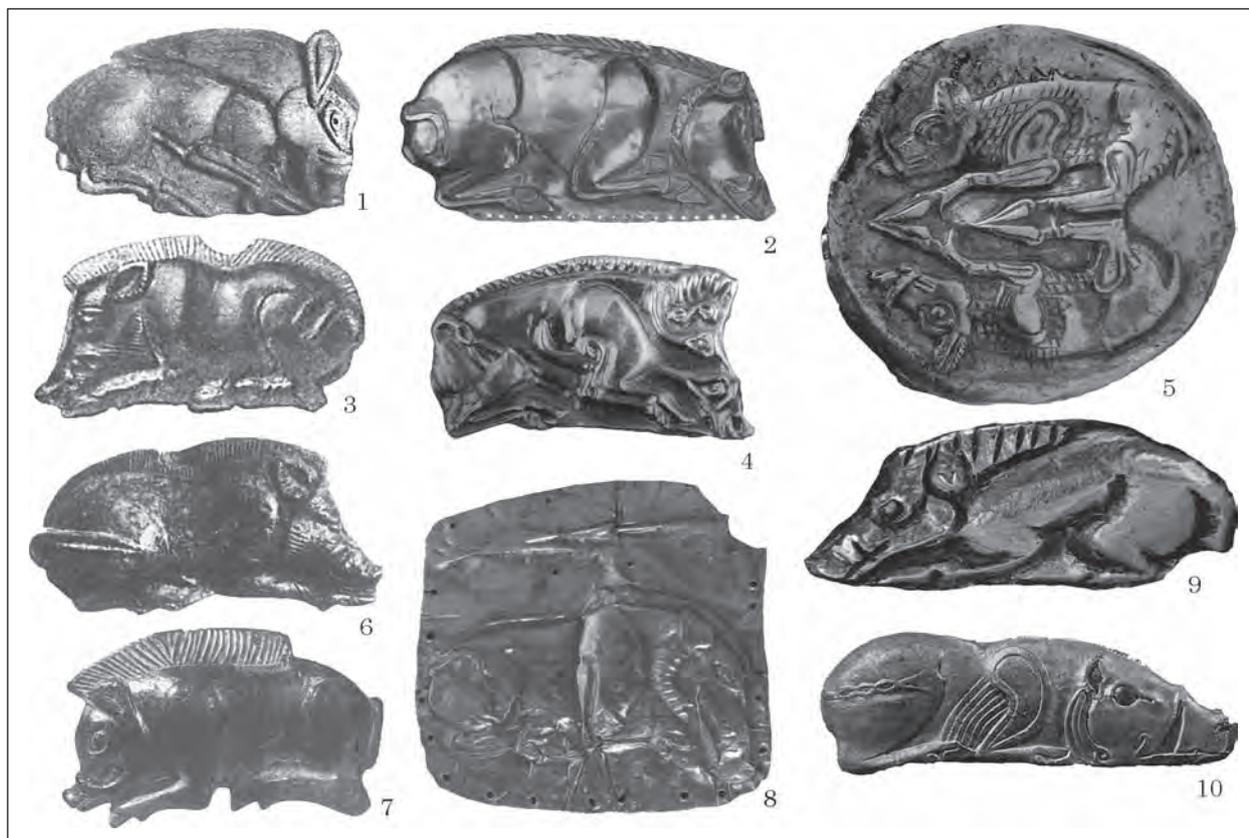

Рис. 3. Образ лежащего кабана с подложенными под туловище и направленными вперед ногами: 1 — Эфесский Артемисий; 2 — погребение 1, курган 6 у с. Александровка (учхоз Самарский); 3 — Малая Азия (?) (Британский музей); 4 — погребение 1, курган 5 у с. Архангельская слобода; 5 — кабаны в геральдической композиции на нижнем наконечнике рукояти келермесской секиры; 6 — Сарды; 7 — Иран; 8 — золотая пластина из МИДУ; 9 — деталь золотой гривны из кургана Аржан-2; 10 — ритуальная площадка, курган 1, Уляпский могильник. Масштаб произвольный (по: 1, 3, 6, 7 — Иванчик 2001; 2 — Канторович 2015; 4 — Лесков 1972; 5, 10 — Schilz 1994; 8 — Канторович 2015; 9 — Чугунов, Парцигер, Наглер 2017)

характере такого проникновения. Было ли оно эпизодическим и случайным, или имело более-менее стабильный характер?

Уникальной является бронзовая статуэтка кабана из кургана 2 у с. Текливка в Западной Подолии, датируемого концом VII — началом VI вв. до н. э. (Гуцал, Гуцал, Могилов 2011, с. 117, 123, рис. 4). Она лишена черт скифского звериного стиля, а ее аналогии ведут к кельтской изобразительной традиции, где вепря показывали статично, стоящим на четырех ногах, с особым подчеркиванием шерсти вдоль спины. Вероятно, фигурка является импортом из Центральной Европы, о чем косвенно свидетельствует и ее местонахождение на западных границах Северопричерноморской Скифии.

Этими, как уже было сказано единичными изображениями и ограничивается распространение образа кабана в Предкавказье и Северном Причерноморье в эпоху скифской архаики.

Классический период. Более насыщенная картина вырисовывается с рубежа VI—V вв. до н. э. С этого времени, вплоть до конца IV в. до н. э. на территории Северного Причерноморья в скифских памятниках фиксируется относительно немногочисленная, но яркая серия пол-

нофигурных изображений лежащего кабана с подложенными под туловище и направленными вперед ногами и опущенной, как бы упирающейся в поверхность головой. К ним относятся: золотая обкладка боковой лопасти ножен меча из погребения 1 кургана 6 у с. Александровка (учхоз Самарский), конец VI — начало V вв. до н. э. (Ковалева, Мухопад 1982, рис. 5: 3; 6; Канторович 2015 с. 1191, 1530, рис. 2), шесть золотых накладок на колчан из погребения 1 кургана 5 у с. Архангельская слобода, конец V — начало IV вв. до н. э. (Лесков 1972, с. 57, табл. 35; Золото степу 1991, кат. 91; Канторович 2015, с. 1191, 1530, рис. 3), Нижнее Поднепровье; золотая пластина — накладка на деревянный сосуд из Музея исторических драгоценностей Украины (далее — МИДУ), точное место находки не известно (Канторович, Грибкова 2011, рис. 1—2; Канторович 2015, с. 1191, 1530, рис. 1 слева сверху) (рис. 3: 2, 4, 8). Схожее изображение зафиксировано в Предкавказье: это серебряная накладка с золотой инкрустацией деревянного навершия, на которой представлен лежащий кабан с поджатыми и направленными вперед ногами, с ритуальной площадки кургана 1 у аула Уляп, первая половина IV в. до н. э. (Сокро-

вища... 1985, кат. 209, рис. 36; Шедевры... 1987, табл. XXIII; Канторович 2015, с. 1191, 1530: рис. 1 сверху справа) (рис. 3: 10).

Кабаны с согнутыми под углом и вытянутыми вперед ногами известны в искусстве Малой Азии и Ирана, в том числе Луристана (Переводчикова 1994, с. 47, рис. 4: 6—10; Иванчик 2001, с. 87, рис. 37: 2, с. 89, рис. 39: 2, с. 93, рис. 42: 1) (рис. 3: 3, 6—7). Однако, эта же иконографическая схема зафиксирована и на золотой гривне из кургана Аржан 2. (Чугунов, Парцингер, Наглер 2017, с. 342, табл. 4: 5з, с. 374, табл. 36: 4) (рис. 3: 9). Интересное предположение о наличии неких пограничных образов между двумя традициями: — центрально- и переднеазиатской — выдвинул А. Р. Канторович. Он обратил внимание на особую иконографию кабана на бляшке из слоновой кости из Эфесского Артемисия (начало — первая половина VI в. до н. э.). Здесь показан «стояще-лежащий» кабан: его ноги уже почти подложены под туловище и голову, но при этом еще не согнуты, голова опущена вертикально вниз, а «пятак» находится на уровне копыт (рис. 3: 1). Это нечто среднее, между позой «внезапной остановки» и ближневосточными лежащими кабанами. Здесь «возможно, произошла конвергенция известного на Ближнем Востоке сюжета лежащего кабана с изначально сако-сибирской схемой “тормозящего” кабана с вытянутыми наискось вперед ногами, схемой, уже имевшей тенденцию к почти горизонтальному отображению ног, проявившейся, например, в изображениях из кургана Аржан 2» (Канторович 2015, с. 940).

Действительно, возможность объединения центральноазиатской схемы кабана в позе «внезапной остановки» или «на кончиках копыт» с ближневосточной схемой лежащего кабана с подложенными и направленными вперед ногами, на примере изображения из Эфесского Артемисия выглядит вполне вероятной. Но, видимо, сама «встреча» этих двух традиций произошла несколько ранее, в середине — второй половине VII в. до н. э., когда скифы непосредственно пребывали в Малой Азии, Закавказье и Северо-Западном Иране. И одним из материальных свидетельств такой «встречи» является уже неоднократно упомянутая келермесская секира, где представлена как центральноазиатская иконография изображения кабана, так и, скорее всего ближневосточная геральдическая схема. Более того, на примере изображения кабана на золотой гривне из кургана Аржан 2, хорошо видно, что схема изображения с подложенными ногами была присуща собственно скифскому искусству на самых ранних этапах его развития, до знакомства с искусством Передней Азии. А изображение вепря на золотой шпильке из этого же памятника также может претендовать на роль «переходного» между позой «внезапной остановки» и подложенными под голову и туловище ногами (рис. 1: 6).

С середины VI в. до н. э. центральноазиатская иконография «тормозящего» или «стоящего на кончиках копыт» кабана исчезает с восточноевропейского пространства. Тогда как схема лежащего кабана, с конца того же столетия, получает дальнейшее развитие. Впрочем, при сохранении иконографии радикально меняется стилистика изображений. На смену ажурности, орнаментальности и мелкой детализации, характерной для келермесских изображений, выполненных под влиянием урартской, ассирийской, иранской традиций, приходит относительный реализм, проводником которого были, вероятно, греческие мастера. Все части тела (в первую очередь, соотношение головы и туловища) показаны более соразмерно и детально. У кабанов из Александровки и МИДУ хорошо проработаны детали головы — два клыка, миндалевидный глаз. Рифлением показана обрамляющая голову кожно-шерстная складка. Над головой и спиной — щетина. Изображение из Архангельской слободы более декоративно (зооморфные превращения уха, лопатки, сегментация головы). Кавказское изображение более условно. У всех кабанов хорошо выделены лопатка и бедро. Эти черты указывают на влияние греческого искусства. Вполне вероятно, что упомянутые выше изображения были изготовлены в греческих городах Северного Причерноморья. Ведь все они (за исключением пластины из МИДУ, место находки которой не известно) обнаружены в Северопричерноморской Степи и Предкавказье.

Что касается вопроса об истоках иконографической схемы лежащего кабана с подогнутыми ногами, то дать исчерпывающий ответ на него сейчас не представляется возможным. В количественном отношении этот образ доминирует на Ближнем Востоке. Но принимая во внимание изображение из Аржана 2 однозначно связывать эту позу с ближневосточным заимствованием было бы преждевременным.

Остальные немногочисленные полнофигурные изображения из Северного Причерноморья можно объединить в три группы. Это скульптурные изображения кабанов в статичной позе на золотой обкладке ручки сосуда из Александропольского кургана, 340—330 гг. до н. э. (Канторович 2015, с. 1191, 1532; Полин, Алексеев 2018, с. 837, рис. 50: 3) и золотая скульптурка из Хоминой Могилы (Мозолевский 1973, с. 222, рис. 32, с. 224) (рис. 4). Терзаемые кабаны на золотой ленте-нашивке на нагрудный конский ремень из Александропольского кургана (Канторович 2015, с. 1192, 1534; Полин, Алексеев 2018, с. 908, рис. 281), золотой нашивной бляшке из кургана 3, погребение 3 у аула Нечерзий, IV в. до н. э. (Шедевры 1987, кат. 80, табл. 54; Канторович 2015, с. 1191, 1530: рис. 1 снизу справа), на гривне из кургана Карагодеуашх, IV в. до н. э. (Алексеев 2012, с. 230—231) и золотой пекторали из Толстой

Рис. 4. Изображение кабанов в статичной позе: 1 — Александропольский курган; 2 — Хомина Могила. Масштаб произвольный (по: 1 — Полин, Алексеев 2018; 2 — Shiltz 1994)

Могила, вторая—третья четверть IV в. до н. э. (Мозолевський 1979, с. 80, рис. 61) (рис. 5). Наконец, это «идущие» кабаны на золотой обкладке ритона из кургана 13 у Великой Знамянки, середина V в. до н. э. (Бидзиля, Полин 2012, с. 513; Канторович 2015, с. 1192), и на золотой обкладке ножен меча из кургана 16 (Ушаковского) у ст. Елизаветовской, первая половина IV в. до н. э. (Артамонов 1966, с. 120, кат. 329—330; Канторович 2015, с. 1192) (рис. 6).

Первая группа «стоящих» кабанов, как уже неоднократно отмечалось исследователями, является результатом преимущественно фракийского (возможно, греко-фракийского или фрако-кельтского) влияния (Schiltz 1994, p. 217—222; Канторович 2015, с. 513). По мнению А. Р. Канторовича, кабан из Александрополя формально

еще может быть отнесен к скифскому звериному стилю (диспропорции, геометризм, условность) и, скорее всего, является произведением местного мастера. В то время как зверь из Хоминой Могила, в силу своей реалистичности (трактовка шерсти насечками, детали головы, копыта) лишен признаков звериного стиля и, видимо, является импортом (Канторович 2015, с. 535). Эти изображения могут быть рассмотрены как частный случай фракийского влияния на скифское искусство, имевшего место в IV в. до н. э., скорее всего в середине-второй половине этого столетия. Оно проявилось как в импорте ряда фракийских вещей на территорию Северопричерноморской Степи, так и в создании здесь явно подражательных изделий (Мелюкова 1976, с. 118—119).

В группе терзаемых кабанов необходимо выделить александропольские и нечерзыйское изображения, выполненные в греко-скифской манере и уже чисто греческие по стилистике изображения из Карагодеуашха и Толстой Могила. Две зеркальных сцены терзания грифонами кабанов из Александрополя вполне греческие по манере исполнения: грифоны позднегреческого типа, поза кабана, припавшего на передние ноги, изображение ребер. Тем не менее, зверю присущи такие «скифские» черты как увеличенные пропорции головы, геометризация глаза и клыков, узкое поджарое туловище. Условностью и геометризмом характеризуется нечерзыйское изображение, что также позволяет отнести его к кругу скифского звериного стиля. Что касается двух изображений на окончаниях гривны из Карагодеуашха, то и львы, и терзаемые ими кабаны выполнены скульптурно и реалистично, собственно скифские элементы здесь отсутствуют¹. В такой же типично греческой манере выполнен и кабан на пекторали.

Также вполне греческие по иконографии «идущие» кабаны из Великой Знамянки и Ушаковского кургана. Композиционно они аналогичны

1. См. сюжет терзаемого львом кабана на «кубке Неандра»: Boardman 2014, fig. 120.

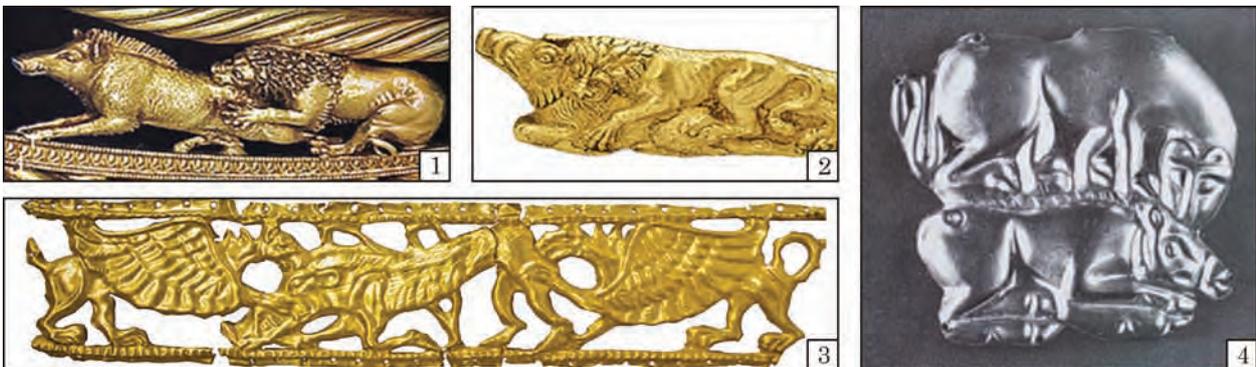

Рис. 5. Кабаны в сценах терзания: 1 — фрагмент пекторали из Толстой могилы; 2 — окончание гривны из кургана Карагодеуашх; 3 — Александрополь; 4 — курган 3, погребение 3 у аула Нечерзий. Масштаб произвольный (по: 1 — Национальний... 2011; 2 — Алексеев 2012; 3 — Полин, Алексеев 2018; 4 — Шедевры... 1987)

выше упомянутому изображению на кнопке борщового зеркала. Задние ноги зверей представлены в шаге, левая передняя — приподнята наискось и вперед, голова полуопущена, по всей длине спины короткими рубчиками показана шерсть. Однако, стилистика исполнения роднит их со скифскими изображениями этого зверя. Голова — массивная, сегментовидная, с крутым лбом подтреугольным глазом, приоткрытой пастью, рифленой ушной раковиной, подчеркнутой зооморфным превращением в головку хищной птицы с закрученным клювом¹. У обоих зверей хорошо выделены и акцентированы зооморфным превращением лопатки. Окончание хвоста также показано в виде головы хищной птицы.

Отдельную немногочисленную серию середины V—IV вв. до н. э. представляют изображения крылатых кабанов с туловищем хищника, либо же протом с золотых пластин — украшений женских головных уборов и костюмов. Это кабаны на пластинах калафа из Толстой Могилы (Мозолевский 1979, с. 127—130), Чертомлыка (Алексеев, Мурзин, Ролле 1991, с. 194—195, кат. 113), на бронзовой матрице (вероятно для изготовления аналогичных пластин), обнаруженной в пойме реки Трубеж (Бессонова, Зимовец, Скорый 2016), также протома кабана на золотых бляхах из второго Семибратнего кургана (рис. 7). Подробный

1. По этим признакам головы обоих кабанов схожи с головой вепря на золотых накладках колчана из Архангельской слободы, на что уже обращалось внимание исследователями (Канторович 2015, с. 536).

Рис. 6. «Идушие» кабаны: 1 — Ушаковский курган; 2 — Великая Знамянка. Масштаб произвольный (по: 1 — Артамонов 1966; 2 — Національний... 2011)

Рис. 7. Крылатые кабаны с туловищем хищника: 1 — фрагмент золотой пластины калафа из Чертомлыка; 2 — фрагмент золотой пластины калафа из Толстой Могилы; 3 — 2 Семибратний курган; 4 — пойма реки Трубеж, Днепроовская Левобережная Террасовая Лесостепь. Масштаб произвольный (по: 1 — Алексеев, Мурзин, Ролле 1991; 2, 3 — Schilz 1994; 4 — фото: Р. В. Зимовец)

разбор данного образа был дан в отдельной работе (Бессонова, Зимовец, Скорый 2016). В рамках же настоящей статьи ограничимся констатацией того, что данные изображения явно не скифские по манере исполнения, однако, вряд ли их появление в репертуаре образов, используемых скифами, тем более на церемониальных головных уборах, можно считать случайным. Полных или даже относительно близких аналогий (помимо протом крылатых кабанов, известных по греческому нумизматическому материалу, а также по вазописи) в искусстве Греции, Передней Азии, Ирана им отыскать не удалось. Крылатые кабаны с туловищем хищника на золотых пластинах из Толстой Могилы и Чертомлыка включены в состав сложных композиций, в рамках которых они противостоят грифонам. Видимо аналогичное по смыслу противостояние кабана и льва имеет место и на золотых обкладках горитов «чертомлыцкой серии» (Алексеев 2012, с. 206). Но здесь вепрь уже лишен фантастических черт и показан весьма реалистично, в традициях греческого искусства.

Подводя итоги проведенного обзора образов полнофигурного кабана в Скифии необходимо отметить следующие принципиальные моменты. Во-первых, единичные изображения кабана в позе «внезапной остановки» и «на кончиках копыт» из Гуляй-города и Келермесского могильника генетически связаны с центральноазиатской традицией, являясь, как и ряд других характерных раннескифских изображений (лошади, оленя, лося) свидетельством миграции одной из самых ранних волн кочевников из Центральной Азии в Северное Причерноморье. При этом, уже на самых ранних изделиях (келермесские секира и зеркало) мы видим опосредование центральноазиатской стилистики переднеазиатскими традициями урартского, ассирийского, луристанского круга. Во-вторых, образ кабана с подложенными под туловище и направленными вперед ногами в скифском искусстве также был известен кочевникам еще в эпоху архаики (Аржан 2, Келермес), но получил распространение в Северном Причерноморье позднее, в классическое время. Вопрос об истоках этой иконографической схемы в искусстве скифов (Центральная или Передняя Азия) пока остается открытым. В-третьих, уже с позднего этапа архаической эпохи в скифскую культуру проникает греческая иконография «идущего» и терзаемого кабана, которая иногда адаптируется под стилистику скифского звериного стиля, но иногда так и остается исключительно греческой. Влияние греческой передачи этого образа наиболее полно проявляется в IV в. до н. э. В-четвертых, фиксируется проникновение фракийской иконографии кабана в скифскую среду, являющееся частным случаем влияния фракийского искусства на искусство Причерноморской Степи в IV в. до н. э.

При анализе полнофигурных изображений кабана в классическую эпоху удивляет ряд

обстоятельств. Во-первых, все они выполнены из драгоценных металлов, преимущественно из золота. В классическую эпоху в Скифии не известны бронзовые бляхи с полнофигурным изображением кабана. Во-вторых, большинство из них размещено либо на культовых предметах (деревянные чаши, ритон, напершие), либо являются парадным украшением оружия (мечей, колчана). В-третьих, все они обнаружены в Степной Скифии. В Лесостепи полнофигурные изображения кабана отсутствуют вовсе. Как можно объяснить эти особенности воплощения образа вепря?

А. Р. Канторович обращает внимание на тот факт, что золотые бляшки с изображением лежащего кабана с поджатыми и направленными вперед ногами, служили украшением колчана, чаши и меча, указывая на один из вариантов геродотовой этногенетической легенды, в соответствии с которой колчан и чаша были атрибутом победителя в соревновании детей Геракла за владычество над Скифией (Канторович 2015, с. 943). Эта версия пока подтверждена очень небольшим количеством артефактов. Однако вряд ли приходится сомневаться в том, что преимущественное исполнение полных фигур кабана в золоте на престижных предметах вооружения и ритуальных изделиях в классическое время связано с мифологическими или магическими представлениями скифской элиты, в первую очередь воинской¹. Как известно, в иранской мифологии кабан был одним из воплощений бога войны и победы Веретрагны (Кузьмина 1976, с. 55—60). Более того, в «Авесте» тело вепря, включая его челюсти, ассоциируются с железом, что, в свою очередь, может быть связано с образом клинкового оружия, кинжала (Вертиенко 2014, с. 272). В этом контексте, вепря можно считать и инкарнацией самого Ареса скифской мифологии (Болтрик 1998, с. 80—82), принимая во внимание свидетельства Геродота о жертвенниках, посвященных Аресу, где главным культовым предметом выступал железный акинак. В греческой мифологии Арес непосредственно принимает образ вепря, и в этом облике убивает Адониса во время охоты (Грейвс 1992, с. 49).

Не ставя под сомнение возможное отождествление образа кабана с одним из атрибутов или воплощений бога войны и победы (Веретрагны, Ареса), хотелось бы обратить внимание еще на одну роль, выполняемую им в мифологическом сознании индоевропейских народов. Во многих мифах представлен сюжет охоты богов или героев на кабана. Так, ведический Индра поражает кабана Эмушу за то, что тот

1. Интересно наблюдение А. В. Вертиенко о том, что на лопасти меча одного из пеших воинов на соломском гребне также изображена условная голова вепря, как это имеет место на лопастях мечей из Александровки и Великой Белозерки (Вертиенко 2014, с. 274, рис. 5).

похитил жертвенную пищу, олицетворявшую солнце (Лопатин, Леонтьева 2011). Греческие герои принимают участие в знаменитой охоте на калидонского кабана, посланного Артемидой. Примечательно, что клыки и шкура побежденного зверя хранились в храме богини победы — Афины Алеи. Геракл побеждает эриманфского вепря (четвертый подвиг) (Грейвс 1992, с. 202—206, 126). В Иране получил распространение мотив сакрализованной царской охоты на кабана. Добывание вепря отождествлялось с царской инициацией воина-охотника, а сама охота представлялась государственным занятием, наиболее похожим на войну (Вертиенко 2014, с. 273, 276). Все эти мифологические сказания свидетельствуют о глубокой связи вепря с воинско-охотничьей магией. В то же время, кабан был не просто объектом охоты. В приведенных выше мифах он олицетворял некую демоническую силу, совершающую разрушительные действия. Видимо победа над ним имела не только магический смысл. По мнению Е. В. Переводчиковой кабан, будучи копытным, но агрессивным опасным зверем, принадлежит, одновременно, миру травоядных и хищных животных. Это придает ему статус посредника между «средним» миром живых и «нижним» миром хтонических существ (Переводчикова 1976, с. 80—82). В этом смысле победа над вепрем могла символизировать преодоление темных сил разрушения. В то же время, он был почетным, «космическим» соперником, равным богам, царям и героям, а потому достойным особого уважения и даже отождествления с ним. Видимо такое почитание поверженного соперника¹, являвшегося как бы посланником из «нижнего», хтонического мира в мир живых и нашло свое отражение в изделиях торевтики, обнаруженных в скифских памятниках.

Что касается тяготения образа полнофигурного кабана к побережью Черного и Азовского морей, то это наводит на мысль о производстве рассматриваемых изделий мастерами греческих городов Северного Причерноморья. Тем более, что многие изображения, как уже было сказано, испытали существенное влияние греческой традиции («шагающие» кабаны из Великой Знамянки и Елизаветовского могильника, терзаемый кабан из Александрополя), либо целиком были выполнены в греческой манере (терзаемые кабаны на гривне из Карагодеуашха, пекторали из Толстой могилы, протомы крылатых кабанов из Семибратних курганов).

На рубеже архаического и классического времени в Скифии появляются и редуцированные изображения вепря (мотив кабаньей головы),

1. Как уже неоднократно отмечалось исследователями изображения кабана «на кончиках копыт» и с подогнутыми ногами, упирающегося пятакон в поверхность, скорее всего, показывают уже мертвое, поверженное животное (Канторович 2015, с. 943).

не известные здесь ранее. В отличие от полных фигур на золотых пластинах — украшениях чаш, мечей, колчанов мотив кабаньей головы, в большей степени, получил распространение на бронзовых бляхах — деталях конской узды и на клыках-подвесках. Немногочисленны оригинальные изображения, выполненные в золоте, либо размещенные на псалиях². Еще одно отличие — более широкая представленность этого мотива, как количественная, так и территориальная. Бляхи с изображением головы кабана обнаружены как в Степной, так и в Лесостепной Скифии. Хотя, количественное превосходство остается за Степью.

На данный момент, на территории Степной и Лесостепной Скифии (включая Подонье), а также Предкавказья нам удалось учесть 40 оригинальных изображений головы кабана³. С территории Крыма происходит 14 экземпляров. Это бронзовые бляхи из Нимфея (нижняя терраса городища, раскопки 1948 г.), первая половина V в. до н. э. (Скуднова 1954, с. 316, рис. 6 левый); кургана 24 и 1 Нимфейского некрополя (последняя фрагментирована), 475—425 гг. до н. э. (Силантьева 1959, с. 69, рис. 37: 9; с. 84, рис. 47: 6); погребения 13 кургана 2 у с. Владимировка (Колотухин 2000, рис. 10: 2); два экземпляра из окрестностей Старого Крыма; экземпляры из разрушенного погребения на горе Айлянма-Кая (Белогорский р-н); с. Кринички (Кировский р-н); случайная находка из Белогорского р-на; бляха с изображением головы кабана в фас / плане из с. Новокленово Белогорского р-на (Скорый, Зимовец 2014, с. 63, 105—107, кат. 227, 320—324); фрагментированные экземпляры из р-на сел Марково-Шахтино в Присвашье и Юго-Восточного Крыма (последние две бляхи публикуются впервые) (рис. 8). А также окончания подвесок из кабаньих клыков: из разрушенного погребения около Керчи (Королькова 2006, табл. 64: 1) и кургана 3 в имени Талаевой (Яковенко 1976, с. 132—133, рис. 8: 1) (рис. 9: 1—14)⁴.

Редуцированное изображение кабана также было распространено на соседней Крыму Тамани и в Предкавказье. Это бронзовые бляхи из 4 Семибратнего кургана, вторая половина V в.

2. Исключение составляют изображения на золотых бляшках и других изделиях из Среднего Подонья, представляющие относительно замкнутый локальный вариант передачи образа кабана, слабо связанный с его развитием в других регионах Северного Причерноморья и Предкавказья.

3. Тиражированными являются бронзовые бляшки из курганов Роменского уезда (6 экземпляров) и золотые бляшки из кургана 18 группы Колбино I (74 экземпляра).

4. Бляха из кургана 1 на землях С. А. Крыма (Колтухов, Сенаторов 2016, рис. 24: 11) не может быть с уверенностью отождествлена с головой вепря из-за своей фрагментированности. В равной степени, это могло быть изображение головы волчьего хищника.

Рис. 8. Редуцированные изображения кабанов из Юго-Восточного Крыма: 1 — район сс. Марково—Шахтино, Присивашье; 2 — точное место находки не известно. Публикуются впервые, фото: Р. В. Зимовец

до н. э. (Vorovka 1928, tabl. 17: D; Канторович 2015, с. 1535, рис. 4), Таманского полуострова (случайная находка) (Vorovka 1928, tabl. 17: С; Канторович 2015 с. 1535, рис. 3), бронзовый псалий из Тузлинского могильника IV—III вв. до н. э. (Кашаев 2013, рис. 4: 6). Бронзовая уздечная бляха также была обнаружена в кургане 24 Нарганского могильника (Батчаев 1985, табл. 53: 20). Из Алексеевского ущелья и Эшерского городища Абхазии происходят конские налобник и наносник, являющиеся местной линией развития этого образа в IV в. до н. э. (Эрлих, Шамба 2005, с. 171) (рис. 9: 15—20).

В Северном Причерноморье и Приазовье известны две бронзовые бляхи: из кургана у с. Днепряны, не позднее второй половины V в.

до н. э. (Мурзин 1984, рис. 18: 3) и из Елизаветовского могильника (Марченко, Житников, Копылов 2000, рис. 94: 2). Серебряный фалар, покрытый золотым листом с изображением четырех голов кабана влево был обнаружен в конском погребении восточного дромоса подзахоронения в Центральную гробницу Александропольского кургана (Полин, Алексеев 2018, с. 553; кат. 73). С городища Глубокая пристань (хора Ольвии) происходит кабаный клык, окончание которого оформлено в виде головы вепря (Королькова 2006, с. 231, табл. 64: 4). Из этого же района (поселение Кошары) происходит матрица, изготовленная на керамическом материале и предназначенная для отливки или тиснения изображений (Ольговский 2014, с. 145,

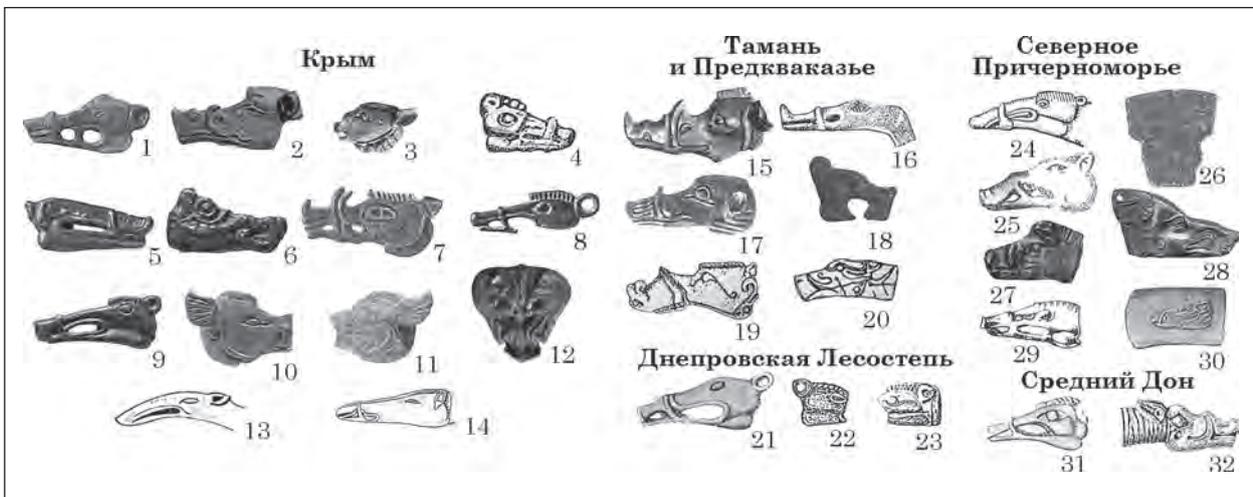

Рис. 9. Редуцированные изображения кабана: 1 — Нимфей (нижняя терраса городища, раскопки 1948 г.); 2, 3 — курган 24 и 1 Нимфейского некрополя; 4 — погребение 13 кургана 2 у с. Владимировка в Крыму; 5, 6 — окрестности Старого Крыма (Кировский р-н); 7 — разрушенное погребение на горе Айляма-Кая; 8 — с. Кринички (Кировский р-н); 9 — Белогорский р-н; 10 — район сс. Марково-Шахтино, Присивашье; 11 — Юго-Восточный Крым; 12 — Новокленово (Белогорский р-н); 13 — курган 3 в имени Талаевой; 14 — разрушенное погребение около Керчи; 15 — 4 Семибратний курган; 16 — Тузлинский могильник; 17 — Таманский п-ов; 18 — курган 24 могильника Нарган; 19 — Алексеевское ущелье (Абхазия); 20 — Эшерское городище (Абхазия); 21 — курганы Роменского уезда; 22 — курган 446 у с. Капитановка, бассейн Тясмина; 23 — курган 499 у с. Басовка; 24 — городище Глубокая пристань; 25 — курган у с. Днепряны; 26 — курган Бабы; 27 — Александропольский курган; 28 — Великая Белозерка; 29 — Елизаветовский могильник; 30 — поселение Кошары; 31 — курган 7 группы Частые курганы; 32 — курган 4 могильника Терновое I. Масштаб произвольный (по: 1 — Скуднева 1954; 2, 3 — Силантьева 1959; 4 — Колотухин 2000; 5—9, 12 — Скорый, Зимовец 2014; 10—11 — публикуется впервые, фото: Р. В. Зимовец; 13 — Яковенко 1976; 14, 24 — Королькова 2006; 15, 28 — Schilz 1994; 16 — Кашаев 2013; 17 — Канторович 2015; 18 — Батчаев 1985; 19, 20 — Эрлих, Шамба 2005; 21 — Шкурко 1976; 22 — Могилов 2008; 23 — Ильинская 1968; 25 — Мурзин 1984; 26 — Артамонов 1966; 27 — Полин, Алексеев 2018; 29 — Марченко, Житников, Копылов 2000; 30 — Ольговский 2014; 31 — Либеров 1965)

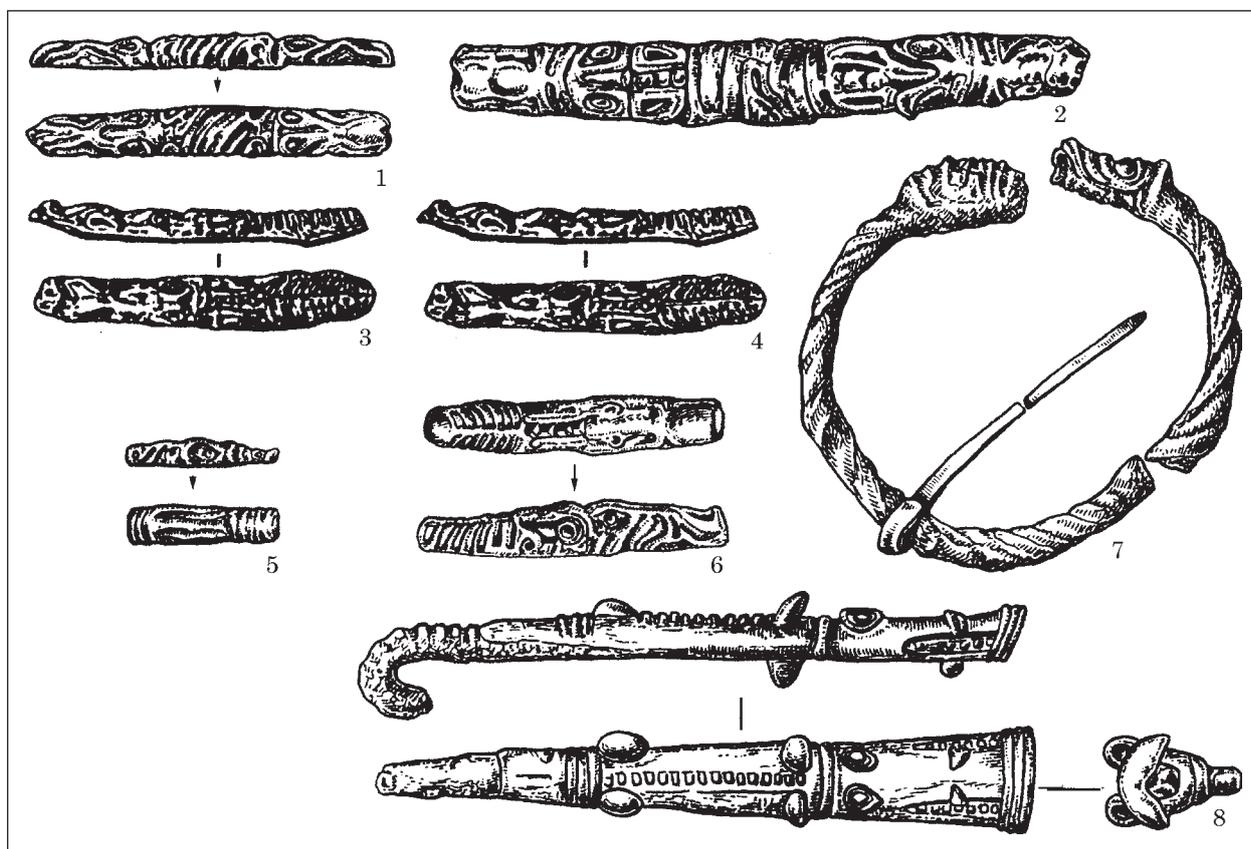

Рис. 10. Мастюгинско-колбинский тип (по: Канторович 2015)

рис. 51). Два предмета с изображением кабана выполнены в золоте. Это обивка сосуда из кургана Бабы, 470—450 гг. до н. э. (Артамонов 1966, с. 105, кат. 71; Канторович 2015, с. 1192, 1535, рис. 1) и лопасть золотой обкладки ножен меча из Великой Белозерки, последняя треть IV в. до н. э. (Schilz 1994, fig. 329; Канторович 2015, с. 1193, 1537) (рис. 9: 24—30).

Шесть бронзовых бляшек с «лаконичным» изображением головы кабана происходят из курганов Роменского уезда (Шкурко 1976, рис. 3, 11), одна фрагментированная — из кургана 499 у с. Басовка, первая половина V в. до н. э. (Ильинская 1968, табл. XXVIII: 8; Могилов 2008, с. 189, с. 312, рис. 94: 34) в Посулье (Днепровская Левобережная Лесостепь). Только один схожий с басовским экземпляр известен на Правобережье Днепра: это фрагментированное изображение из кургана 446 близ Капитановки в бассейне Тясмина¹ (Могилов 2008, с. 189, с. 312, табл. 94: 35) (рис. 9: 21—23). Два схожих изображения головы кабана известны и на Среднем Дону: на бронзовой бляхе из кургана 7 Частых (Либеров 1965, табл. 22, 19) и на роговом псалии из кургана 4 могильника Терновое I (Савченко 2001, рис. 8: 21) (рис. 9: 31—32).

Кроме того, со Среднего Дона происходят 8 оригинальных изображений, являющихся по-

казательными примерами местной трактовки образа кабана в рамках локального среднедонского варианта скифской культуры. А. Р. Канторович объединяет их в «Мастюгинско-колбинский» тип конца V — первой четверти III вв. до н. э., отмечая его периферийный характер по отношению к основной линии реализации образа кабана в восточноевропейском зверином стиле (Канторович 2015, с. 548—550). При этом на Среднем Дону было представлено и «магистральное» направление развития этого образа, характерное для Лесостепного и Степного Поднепровья (рис. 9: 31—32). Мастюгинско-колбинский тип характеризуется схематичной удлиненной головой, оформляющей, в основном, выгнутые пряжки, а потому ориентированной не столько на боковой обзор, сколько на вид сверху, в плане, чем отличается от подавляющего большинства изображений с других территорий (рис. 10). Это золотые нашивные бляшки из кургана 4 у с. Дуровка (Пузикова 2001, рис. 18: 4), из курганов 1 и 18 группы Колбино I (Савченко 2001, рис. 19: 8, 40: 4); золотые бляшки и бронзово-железный поясной крючок из курганов 1, 2 и «из сборов» у дер. Мастюгино (Либеров 1965, табл. 24: 6; 32: 7; 24: 12), а также окончания железной пряжки с золотой обкладкой из кургана 11 (ВУАК) группы «Частые курганы» (Либеров 1965, рис. 2: 55).

Среди бронзовых бляшек с изображением головы кабана, известных на середину XX в.

1. У В. Г. Петренко и А. И. Шкурко — привязка этого кургана к Пастырскому (Шкурко 1976, с. 97).

Рис. 11. Редуцированные изображения кабана. Стилистика: 1 — Нимфей (нижняя терраса городища, раскопки 1948 г.); 2 — курганы Роменского уезда; 3 — окрестности Старого Крыма (Кировский р-н); 4 — курган 3 в имении Талаевой; 5 — курган 24 могильника Нартан; 6 — Белогорский р-н, Крым; 7 — городище Глубокая пристань; 8 — с. Кринички (Кировский р-н, Крым); 9 — курган 7 группы Частые курганы; 10 — Елизаветовский могильник; 11 — разрушенное погребение около Керчи; 12 — курган у с. Днепrians; 13 — курган 499 у с. Басовка; 14 — курган 446 у с. Капитановка; 15, 15а — Новокленово (Белогорский р-н); 16 — разрушенное погребение на горе Айлянма-Кая (Белогорский р-н, Крым); 17 — Тузлинский могильник; 18 — погребение 13 кургана 2 у с. Владимировка в Крыму; 19 — курган 4 могильника Терновое I; 20 — Александропольский курган; 21 — окрестности Старого Крыма (Кировский р-н, Крым); 22 — Эшерское городище (Абхазия); 23 — Алексеевское ущелье (Абхазия); 24 — 4 Семибратний курган; 25, 27 — курганы 24 и 1 Нимфейского некрополя; 26 — Марково-Шахтино, Присивашье; 28 — Юго-Восточный Крым; 29 — Таманский п-ов; 30 — поселение Кошары; 31 — Великая Белозерка; 32 — курган Бабы. Масштаб произвольный (по: 1 — Скуднава 1954; 2 — Шкурко 1976; 3, 6, 8, 16, 21 — Скорый, Зимовец 2014; 4 — Яковенко 1976; 5 — Батчаев 1985; 7, 11 — Королькова 2006; 9 — Либеров 1965; 10 — Марченко, Житников, Копылов 2000; 12 — Мурзин 1984; 13 — Ильинская 1968; 14 — Могилов 2008; 15, 15а — фото: Р. В. Зимовец; 17 — Кашаев 2013; 18 — Колотухин 2000; 19 — Савченко 2001; 20 — Полин, Алексеев 2018; 22, 23 — Эрлих, Шамба 2005; 24, 31 — Schiltz 1994; 25, 27 — Силантьева 1959; 26, 28 — публикуются впервые, фото: Р. В. Зимовец; 29 — Канторович 2015; 30 — Ольговский 2014; 32 — Артамонов 1966)

В. М. Скуднава наметила выделение двух стилистических типов. Бляхи с Нимфейского городища, курганы Роменского уезда и Частого кургана 7 (ВУАК) с «плоской тракторной головкой и раскрытой пастью» были отнесены нею к первой половине V в. до н. э. В отличие от изображений с закрытой пастью и рельефным пятчком из Нимфейских и Семибратних курганов, а также с Тамани, которые, по мнению исследовательницы, датировались уже второй половиной V в. до н. э. (Скуднава 1954, с. 316). Впоследствии это выделение было развито А. И. Шкурко, который впрочем, предполагал хронологическую параллельность двух типов (Шкурко 1975, с. 85) и А. Р. Канторовичем, выделившим «бабинско-семибратненский» и «нимфейско-днепрянский» типы, датировав их V в. до н. э. и первой половиной V — началом IV вв. до н. э. соответственно (Канторович 2015, с. 539—544).

Новые материалы, во многом, подтверждают справедливость такой классификации, позволяя, в то же время, сделать определенные уточнения (рис. 11). К лаконичным плоскостным изображениям головы кабана с раскрытой пастью, помимо указанных выше, необходимо отнести экземпляры из окрестностей Старого Крыма, Криничек, Керчи, Талаевского кургана, Белогорского р-на Крыма, Глубокой при-

стани, Елизаветовского городища, Днепrians и, скорее всего, могильника Нартан, Басовки и Капитановки (рис. 11: 1—14). Кроме упомянутых выше общих характеристик (раскрытая пасть, плоскостная моделировка), для них характерно изображение лишь одного клыка (видимо, здесь два клыка показаны слитно). Все изображения отличаются в деталях. Так, лоб может быть более или менее крутым (последний вариант превалирует), небольшим горбиком может быть передана приподнятость верхней губы клыком (Днепrians, 4 Семибратний курган), но чаще всего она отсутствует, всегда овальный глаз отличается в деталях: от почти круглого (Белогорский р-н) до вытянутого (окрестности Керчи). Основная же дифференциация внутри данной группы может быть проведена по такому признаку как наличие или отсутствие шерсти (загрівка). У изображений с Нимфейского городища, курганов Роменского уезда, Старого Крыма, кургана из имения Талаевой загрівок отсутствует. Вместе с тем, у большинства экземпляров — из Криничек, Белогорского р-на, Частых курганов, Днепrians, Елизаветовского городища, Глубокой пристани — этот элемент есть. Видимо к этой же серии условных плоскостных изображений кабанов с загрівкой принадлежат и экземпляры из Басовки и Капитановки, хотя их фрагментиро-

ваность усложняет окончательную идентификацию.

К другой группе относятся более реалистичные изображения с закрытой пастью и, чаще всего, рельефно показанным пятаком и складками губ (судя по целым экземплярам) (рис. 11: 24—32). Все кабаны — с загривком, рифлением показана кожно-шерстная складка. Также, судя по целым экземплярам, оба клыка изображались отдельно. Выразительной чертой этих изображений является подчеркивание и выделение уха. При этом в некоторых из них ухо показано скульптурно, отходя в сторону, на зрителя, и имеет рифление раковины¹. По этим признакам данная группа изображений является реалистичной и, в то же время, содержит ряд декоративных элементов (рифление кожно-шерстной складки, уха), отсутствующих в первой группе. Помимо экземпляров из Нимфейских, Семибратних курганов и Тамани, к данной группе необходимо отнести золотую накладку из кургана Бабы и две крымские бляхи, публикуемые впервые, а также, с определенной долей условности, литейную форму или матрицу с поселения Кошары и лопасть ножен меча из Великой Белозерки.

Для выявления генезиса этой реалистично-декоративной группы важно, что география распространения изделий, помимо формы из Кошар и золотых пластин из курганов Бабы и Великая Белозерка, ограничивается Юго-Восточным Крымом и Таманью — т. е. территориями входившими, или непосредственно приближенными к Боспору. Это наводит на предположение о том, что боспорские мастера имели непосредственное отношение к развитию данной стилистической линии. В пользу такого предположения, помимо географии, свидетельствует и специфическая стилистика этих изображений. Во-первых, это довольно резкий переход от теменной части к морде через короткий крутой лоб. Во-вторых, относительно реалистичная передача пасти зверя и «пятака» (во всяком случае, в целых экземплярах) рельефными складками. Обе эти черты весьма хорошо просматриваются на собственно греческих изображениях кабана, известных, как по вазописи, так и по нумизматическому материалу — восточногреческим монетам второй половины VI — первой половины V вв. до н. э.: Кизика, Самоса, Лесбоса, Иалиса, Ликии, Мессалии, но наиболее массово — Клазомен, от 520 г. до н. э. вплоть до римского времени (Бессонова, Зимовец, Скорый 2016, с. 196). В-третьих, на золотой пластине из кургана Бабы и лопасти меча из Великой Белозерки присутствуют такие греческие элементы как пальметта и волюты, что

придает этим образам черты скифо-греческого синтеза. В особенности это характерно для белозерского изображения, выполненного, кроме того, очень реалистично.

На возможное боспорское происхождение бляшек в виде головы кабана уже указывала В. А. Ильинская. Правда, по ее мнению, с боспорскими торевтами следовало связывать именно лаконичные изображения, получившие распространение как в Крыму, так и в Левобережной Лесостепи (Ильинская 1968, с. 133). Однако, как статистика, так и география образа свидетельствует в пользу того, что греки Северного Причерноморья, в большей степени, повлияли на формирование «реалистично-декоративного» типа кабаньей головы с объемным ухом. Именно этот образ получил распространение в Крыму и Причерноморской Степи, оставаясь неизвестным в Лесостепной части Скифии.

В то же время, нельзя согласиться с выводом А. И. Шкурко о том, что лаконичные изображения кабаньей головы стали результатом творчества левобережно-лесостепного «художественного центра», который исследователь противопоставлял «правобережному центру» якобы больше связанному с искусством Степи и Прикубанья (Шкурко 1976, с. 98). На тот момент, принимая во внимание состояние источниковой базы, указанный вывод, вероятно, был правомерен. Но сейчас лаконичные изображения кабаньих голов нельзя трактовать как свидетельство большей «замкнутости» и «самобытности» Левобережной Лесостепи в трактовке образов скифского звериного стиля, на что указывал А. И. Шкурко (Шкурко 1976, с. 98). Подобных изображений, действительно, пока не обнаружено в Правобережной Лесостепи, однако они хорошо известны в Крыму, где сосуществуют вместе с реалистично-декоративными экземплярами. В связи с этим, вопрос об истоках и генезисе этих лаконичных изображений, а также их соотношении с реалистично-декоративными головками остается актуальным.

В каком направлении шло это развитие — от реализма и декоративности к условности и геометризму, или же наоборот? В. М. Скудна полагала, что «лаконичный» тип, относясь к первой половине V в. до н. э., предшествует «реалистично-декоративному» второй половины того же века (Скудна 1954, с. 316). А. И. Шкурко настаивал на их хронологической синхронности (Шкурко 1975, с. 85). Прежде чем дать свою версию ответа на поставленный вопрос, еще раз отметим, что в рамках обеих групп отмечается весьма высокая вариативность отдельных изображений. Здесь нет того стилистического единообразия, которое присуще некоторым другим редуцированным изображениям, выполненным в скифском зверином стиле. Две стилистически наиболее полярные совокупности изображений, это из-

1. Такое подчеркивание уха могло иметь и мифологический подтекст. Так, в нартовском эпосе герой Батраз побеждает вепря, оторвав ему ухо, что лишает зверя сил (Вертиенко 2014, с. 275).

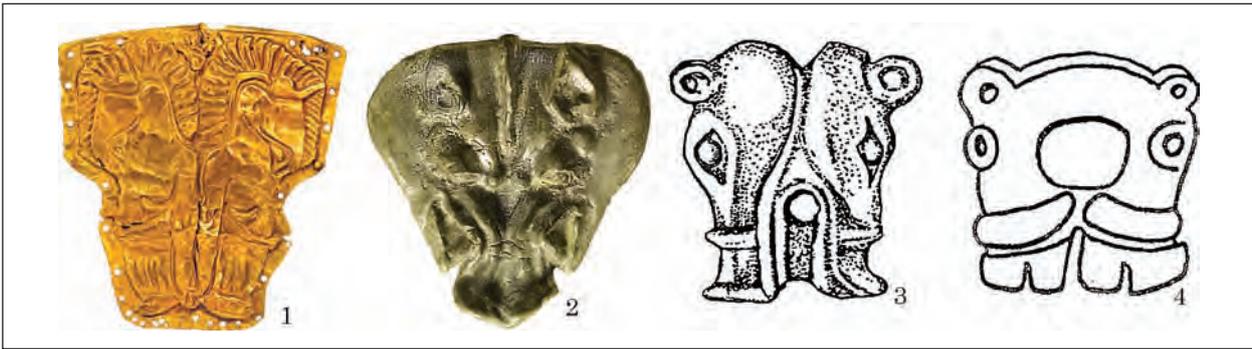

Рис. 12. Композиции со двоянными головами кабанов: 1 — курган Бабы; 2 — с. Новокленово (Крым); 3 — Кривая Лука III, курган 5, погребение 16; 4 — Кичик-Кюзюр (Тагарская культура). Масштаб произвольный (по: 1 — Артамонов 1966; 2 — Скорый, Зимовец 2014; 3 — Королькова 2006; 4 — Членова 1997)

деля из Роменских курганов, Нимфейского городища, окрестностей Старого Крыма и кургана в имении Талаевой, с одной стороны (рис. 11: 1—4), и бляхи из Семибратнего и Нимфейского курганов, Марково-Шахтино и Юго-Восточного Крыма, с другой (рис. 11: 24—28). Первая из них предельно геометризирована, отсутствуют загривок и кожно-шерстная складка, пасть приоткрыта, в ней показан только один клык, лоб (за исключением изображения из Нимфея) — очень плавный. Вторая отличается большим реализмом форм, передачей загривка, рифленой кожно-шерстной складкой, изображением двух клыков при сомкнутой пасти и выразительного уха сложной формы. Однако между ними располагается ряд промежуточных, конвергентных изображений, в той или иной степени сочетающих признаки обеих групп, и «лаконичной», и «реалистично-декоративной». Рассмотрим их детальнее.

Одна из голов кабана из окрестностей Старого Крыма выполнена реалистично, в высоком рельефе (рис. 11: 21). Складками показаны детали носа, округлой выпуклостью — щека. Вместе с тем отсутствует загривок, рифленая кожно-шерстная складка и два клыка, как и в «лаконичных» изображениях. Весьма необычно выполнен глаз: он концентрический (полусферическая зеница лежит в рельефно окантованной глазнице) и подчеркнут снизу еще (как минимум) одной рельефной складкой. Единственную аналогию такому приему можно встретить в изображениях головы кабана на концах пряжки из кургана 11, раскопки 1911—1915 гг. (ВУАК), группы «Частые курганы», относящейся, как уже было сказано, к локальному среднедонскому типу (рис. 10: 7).

Голова кабана из разрушенного погребения на горе Айлянма-Кая в Центральном Крыму (рис. 11: 16), формально, ближе к реалистично-декоративной манере (складки носа, загривок, кожно-шерстная складка, форма уха). Однако ни по пропорциям, ни по стилистике она не похожа на образцы из Юго-Восточного Крыма и Тамани. Здесь отсутствуют рифление кожно-шерстной складки и крутой лоб. К тому же,

пасть этого зверя приоткрыта. Полные аналоги ему отсутствуют. Пасть вепрей из Тузлинского некрополя, могильника Терновое I и Александропольского кургана (рис. 11: 17, 19, 20) сомкнута, однако, в целом, изображения весьма геометричны и схематичны (в особенности тузлинское), так что их нельзя однозначно отнести ни к одной из двух «магистральных» групп.

Еще один яркий экземпляр — бронзовая бляха из с. Новокленово. На ней изображена голова кабана в плане (вид сверху, без нижней челюсти) и, в то же время, в фас (благодаря выразительной рельефной передаче глаз и пятока), подтреугольной формы, с симметрично выполненными левой и правой частью. Однако, каждая из этих частей является самостоятельной головой кабана, только уже профильной (рис. 11: 15, 15а). Как «основная», так и боковые головы выполнены в реалистичной манере, в высоком рельефе. Однако они лишены каких-либо декоративных элементов. Нам известны всего лишь три аналогии итакому двоянному отображению кабаньих голов. Это уже упомянутая золотая пластина из кургана Бабы в Северном Причерноморье, датированного по краснофигурному скифосу 470—450 гг. до н. э. (Алексеев 1991, с. 51), бронзовые бляхи из могильника Кривая Лука III в Нижнем Поволжье, конец VI — первая половина V в. до н. э. (Очир-Горяева 2012, с. 221) и роговая пронизь из тагарского могильника Кичик-Кюзюр, который также, скорее всего, относится к эпохе архаики (Членова 1997, с. 21, 76, рис. 30: 8) (рис. 12: 1, 3—4). Правда, в этих аналогиях две головы приставлены друг к другу своими нижними частями, в то время как на крымской бляхе они соединены по линии загривка—лоба—носа. Но причина этого понятна, если принять во внимание то, что мастер хотел изобразить не только и не столько двоянные, симметрично расположенные головы, но и составленное из них изображение анфас, которое имело самостоятельное значение и, очевидно, являлось в данном случае «основным». Уникальность новокленовской бляхи позволяет предположить, что здесь имел место творческий эксперимент,

когда уже известную в Северном Причерноморье схему сдвоенных кабаньих голов (курган Бабы) использовали для создания нового образа головы кабана в плане, в результате чего получилось изображение «три в одном». Не исключено, что мастер использовал при этом схему изображения головы хищника в плане, известную на Крымском полуострове (Скорый, Зимовец 2014, с. 113—115). Хронологически же северопричерноморские изображения (как новокленовское, так и бабинское) оказываются более поздними по отношению к восточным аналогиям, позволяя говорить об азиатских (от Поволжья до Алтая) истоках схемы сдвоенных голов кабана¹.

Наконец, необходимо остановиться еще на двух оригинальных сериях, которые, с определенной долей условности, могут быть интерпретированы как крайне стилизованные изображения головы кабана, являющейся зооморфным превращением задних конечностей; или же, более осторожно, как конечности с элементами головы вепря². На нащечниках из тузлинского некрополя (Древности... 1854, табл. XXIX: 13) представлено бедро и пара задних ног (основное, вертикальное изображение). При горизонтальном же рассмотрении мы видим признаки головы кабана. Округлое бедро становится головой, пара ног — верхней и нижней челюстью. Глаз показан дуговидными линиями на переднем выступе бедра «основного» изображения. Рельефными линиями показаны клыки и, видимо, зубы зверя. На золотых бляшках из «Майкопского клада» (Leskov 2008, р. 49—50, cat. 57) изображена задняя конечность кабана, атрибутируемая по такому характерному признаку, как раздвоенный хвост, закинутый на бедро (наблюдается у полнофигурных изображений из Александровки, МИДУ, Архангельской слободы, Уляпа, Ушаковского кургана). Но при горизонтальном развороте здесь также читается образ головы вепря, со спиралевидным глазом на выступе бедра, зубами, клыком (углубленная линия) (рис. 13). Аналогом такого рода зооморфной трансформации (конечность при вертикальном, голова при горизонтальном рассмотрении) являются нащечные бляхи из Крыма: Нимфейского некрополя и могильника Ак-Таш (Силантьева 1959, рис. 47: 7; Бессонова, Скорый 1986, рис. 6: 5, 6; 7: 3). Здесь бедро с когтевидной конечностью, при горизонтальном рассмотрении, превращается в голову лося, где когти передают рога животного. Подобный прием, скорее всего, можно рассматривать как

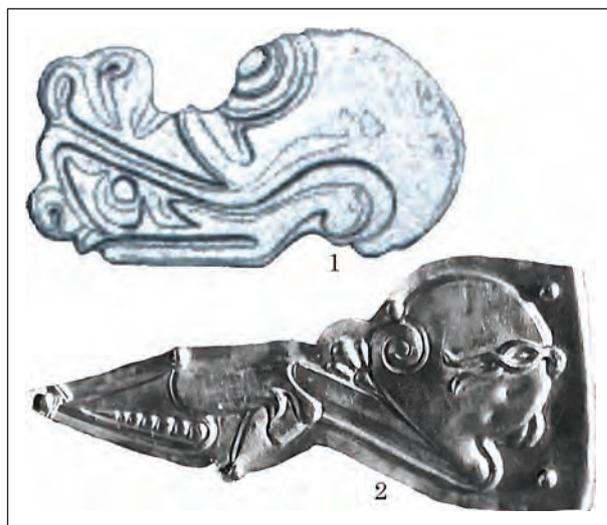

Рис. 13. Изображение головы кабана — результата зооморфного превращения конечностей: 1 — Тузлинский некрополь; 2 — «Майкопский клад». Масштаб произвольный (по: Древности... 1854; Altes Museum, Берлин, фото: Р. В. Зимовец)

особенность местной, «околобоспорской» (исключительно в географическом смысле этого понятия) школы производства предметов в скифском зверином стиле (Зимовец 2015).

Выше приведенные примеры свидетельствуют о богатстве и разнообразии художественных трактовок образа кабана на территории Крымского полуострова, несмотря на существование двух основных стилистических векторов. Они же наталкивают на мысль о том, что Крым и Предкавказье, в классическое время, были некой зоной художественных экспериментов применительно к рассматриваемому образу, а значит, здесь, скорее всего, было сосредоточено и производство этих изделий. В пользу последнего говорит и статистика образа.

Наличие промежуточных типов между двумя основными группами изображений как будто бы подкрепляет тезис А. И. Шкурко о синхронности бытования лаконичных и реалистично-декоративных типов кабаньих голов. Однако с хронологической точки зрения изображения на кабаньих клыках имеют небольшой приоритет (конец VI — начало V вв. до н. э.) (Королькова 2006, с. 124) по отношению к датируемым изображениям на бронзовых бляшках (начиная, преимущественно, со второй четверти V в. до н. э.). При этом, все изображения на клыках выполнены в условной, лаконичной манере. Кроме того, из разрушенного погребения у с. Новопривольное (Поволжье) происходит клык, украшенный, с широкой стороны, полнофигурным изображением кабана, стоящего «на кончиках копыт» (рис. 14). Хотя само погребение публикатор датирует концом VI — первой половиной V вв. до н. э. (Максимов 1976, с. 217), изображение кабана выполнено в архаической манере и находит бли-

1. А. Ю. Алексеев также обратил внимание на сходство бронзовых бляшек со сдвоенными головами лосей из курганов В и № 400 у с. Журовка со скульптурными изображениями лосей с территории Пазырыкской культуры Алтая (Алексеев 1991, с. 53, рис. 5: 3, 4; 13, 14).

2. В силу этой условности мы не включаем эти изображения в общую статистику образа.

Рис. 14. Изображение полнофигурного кабана на клыке из с. Новопривольное (Нижнее Поволжье) (по: Максимов 1976)

жайшие аналогии в уже упомянутых в начале статьи памятниках Центральной Азии, относящихся к VIII—VI вв. до н. э. Е. Ф. Королькова обратила внимание, что голова новопривольненского кабана особенно близка изображению на бляхе из Роменских курганов (Королькова 2006, с. 46, 114). Действительно, она вполне соответствует канону лаконичных голов как с Посулья, так и из Крыма: удлиненная форма, плавный лоб, открытая пасть, один клык. Не исключено что именно новопривольненский полнофигурный кабан послужил прототипом для тиражирования редуцированных образов в виде лаконичной головки. Принимая во внимание тот факт, что самая ранняя подвеска из клыка кабана (на которой изображен кабан с вытянутыми вниз ногами) была обнаружена в кургане Аржан, а также количественное преобладание подвесок-клыков в центральноазиатском регионе, Е. Ф. Королькова пришла к выводу, что они распространялись с востока на запад и были связаны с «каким-то восточным импульсом в Поволжье, на Северный Кавказ и Северное Причерноморье» (Королькова 2006, с. 124).

Эти наблюдения приводят к выводу о том, что «лаконичные» изображения головы кабана в скифском зверином стиле Северного Причерноморья не являются результатом утрирования и геометризации неких эталонных, художественно более совершенных образцов, генетически связанных с греческим искусством. Скорее, они имели самостоятельный источник, первоначально не связанный с греческим искусством. А хронология и стилистика указывают на то, что таким источником могли быть именно изображения на кабаньих клыках, т. е. изделиях, принадлежащих савроматскому художественному кругу. Бронзовые же бляхи можно рассматривать как подражания изображениям на клыках. Т. е. появление образа лаконичной головы кабана следует связывать с савроматским культурным импульсом в Северное

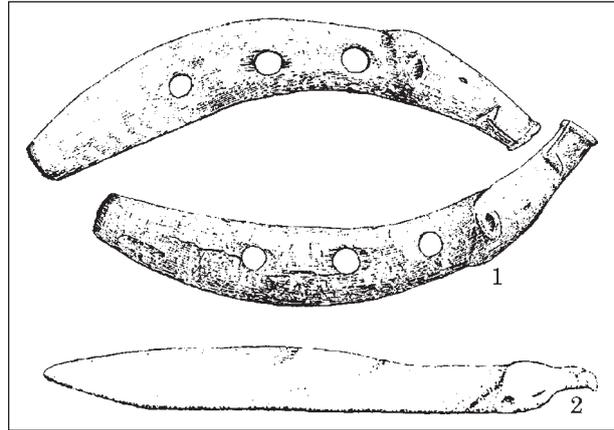

Рис. 15. Редуцированные изображения кабана из Центральной Азии: 1 — курган 5 могильника Карбан I; 2 — Алтай. Масштаб произвольный (по: Кирюшин, Тишкин 1997)

Причерноморье. В пользу этого свидетельствуют и изображения в виде сдвоенных голов. Здесь весьма кстати вспомнить точку зрения А. Ю. Алексеева, который, на основании гораздо более широкого материала (но также упоминая и савроматские клыки с зооморфными изображениями), приходит к выводу об ощущаемом восточном воздействии на Европейскую Скифию в конце VI — начале V вв. до н. э. По его мнению, это воздействие имело не только культурное, но и этническое содержание (Алексеев 1991, с. 54; 2003, с. 183—184). Точку зрения об определенной смене населения Северного Причерноморья в это время, проявившуюся, в частности, в появлении новых образов звериного стиля (свернувшихся «волчьих» хищников, птиц с подтреугольной восковицей на клюве) разделяет и Ю. Б. Полидович (Полидович 2000, с. 45—46). Скорее всего, появление «лаконичных» кабаньих головок в Северном Причерноморье является одним из следствий этого импульса.

Также необходимо отметить, что лаконичные изображения обособленной головы кабана в архаическое время были известны и в более восточных регионах скифо-сибирского мира. В качестве примеров можно привести пару трехдырчатых роговых псалиев из кургана 5 могильника Карбан I на Алтае, оканчивающихся изображением голов кабана с сомкнутой пастью, но выполненных довольно условно и геометрично, с плавно-покатым, невыраженным лбом и отсутствием загривка. Могильник относится к раннескифскому времени (Кирюшин, Тишкин 1997, с. 33), а по материалу Н. Л. Членова синхронизирует данный комплекс с Уйгарским могильником, также датируя в диапазоне VII—VI вв. до н. э. (Членова 1997, с. 26, 88, рис. 42: 1, 4). С Алтая происходит и бронзовый нож, оканчивающийся изображением головы кабана (Членова 1997, с. 93, рис. 47: 5) (рис. 15: 1—2). Нами также уже упоминалась роговая

пронизь в виде двух головок кабанов из тагарского могильника Кичик-Кюзюр.

Что касается реалистично-декоративных изображений кабаньих головок, то, принимая во внимание их локализацию, скорее всего они явились продуктом местной, боспорской художественной школы. Последняя могла быть весьма самостоятельной в разработке образа обособленной головы вепря, черная образцы как в собственно греческом искусстве, так и в скифских полнофигурных изображениях кабана, таких, как золотые пластины-накладки на ножны меча, колчан и чашу из Александровки, Архангельской слободы и МИДУ. В последних уже заметны характерные черты — сомкнутая, рельефно моделированная пасть, рельефная разделка кожно-шерстной складки, рельефное акцентирование уха, обязательный загривок, удлинненно-подтреугольный глаз — которые находят отражение и в редуцированных изображениях. При этом, александровский комплекс является весьма ранним, относясь к самому концу VI — началу V вв. до н. э. (Алексеев 1991, с. 49). В то же время вполне вероятно, что именно проникновение савроматских изделий (в том числе, и с их носителями) в Северное Причерноморье инициировало определенную востребованность данного образа в этом регионе, результатом чего стало появление его местной «реалистично-декоративной» трактовки.

Подводя итог необходимо отметить, что есть все основания говорить об относительно независимом развитии двух художественных векторов разработки редуцированного образа кабана — «лаконичного», связанного с савроматской традицией и «реалистично-декоративного», сложение которого проходило под активным влиянием греческих мастеров, скорее всего, непосредственно на Боспоре. При этом, возможно, именно савроматский образ «лаконичной» трактовки головы вепря, хронологически несколько более ранний и имеющий аналогии в раннескифский период в Южной Сибири и на Алтае стал импульсом для формирования и развития реалистично-декоративных изображений этого зверя. Группа лаконичных плоскостных изображений появилась в Северном Причерноморье, скорее всего, уже в готовом виде и получила здесь большее распространение: Крым, Северопричерноморская Степь, Днепровское Лесостепное Левобережье и Правобережье. Группа реалистично-декоративных изображений осталась замкнутой в пределах территорий, близких к античным производственным центрам, в первую очередь, к Боспору. Несмотря на более широкое распространение изображений головы кабана по сравнению с полными фигурами, первые все же количественно преобладают в степных районах, а также в Крыму. На Крымском полуострове и в соседнем Предкавказье представлены обе стилистические группы. А присутствие ряда промежу-

точных (объединяющих черты обеих групп) и, так сказать, экспериментальных изображений позволяет предположить, что на этой территории были сосредоточены основные центры изготовления блях-деталей конской узды в виде головы вепря.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев, А. Ю. 1991. Хронология и хронография Причерноморской Скифии в V в. до н. э. *Археологический сборник Государственного Эрмитажа*, 31, с. 43-57.
- Алексеев, А. Ю. 2000. *Хронография Европейской Скифии VII—IV вв. до н. э.* Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж.
- Алексеев, А. Ю. 2012. *Золото скифских царей в собрании Эрмитажа.* Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж.
- Алексеев, А. Ю., Мурзин, В. Ю., Ролле, Р. 1991. *Чертомлык (скифский царский курган IV в. до н. э.).* Киев: Наукова думка.
- Артамонов, М. И. 1973. *Сокровища саков. Аму-Дарьинский клад. Алтайские курганы. Минусинские бронзы. Сибирское золото.* Москва: Искусство.
- Артамонов, М. И. 1966. *Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа.* Прага; Ленинград: Артга; Советский художник.
- Батчаев, В. М. 1985. Древности предскифского и скифского периодов. В: Марковин, В. И. (ред.). *Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972—1979 гг.* Нальчик: Эльбрус, с. 7-115.
- Бейсенов, А. З., Джумабекова, Г. С., Базарбаева, Г. А. 2015. *Искусство саков Сарыарки.* Алматы: Институт археологии им. А. Х. Маргулана.
- Бейсенов, А. З., Марьяшев, А. Н. 2014. *Петроглифы раннего железного века Жетысу.* Алматы: Институт археологии им. А. Х. Маргулана.
- Бессонова, С. С., Зимовец, Р. В., Скорый, С. С. 2016. Бронзовая матрица скифского времени, найденная в пойме реки Трубеж (предварительная публикация). *Археологія і давня історія України*, 2 (19): Старожитності раннього залізного віку, с. 189-205.
- Бессонова, С. С., Скорый, С. А. 1986. Погребение скифского воина из Акташского могильника в Восточном Крыму. *Советская археология*, 4, с. 158-170.
- Бидзиля, В. И., Полин, С. В. 2012. *Скифский царский курган Гайманова Могила.* Киев: Скиф.
- Бобринский, А. А. 1901. *Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. Дневники раскопок 1889—1897 гг.* Санкт-Петербург: Главное Управление уделов, 3.
- Болтрик, Ю. В. 1998. Вепрь — один из символов скифского Ареса. В: Вилинбахов, Г. В., Столяр, А. Д. (ред.). *Скифы. Хазары. Славяне. Древняя Русь. Международная научная конференция, посвящённая 100-летию со дня рождения профессора М. И. Артамонова. Санкт-Петербург, 9—12 декабря, 1998 г.* Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, с. 80-81.
- Вахтина, М. Ю. 2005. Греческое искусство и искусство Европейской Скифии в VII—IV вв. до н. э. В: Марченко, К. К. (ред.). *Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху.* Санкт-Петербург: Алетей, с. 297-399.
- Вертиенко, А. В. 2014. Образ вепря в иранской традиции — нарратив и визуализация. *Stratum plus*, 3, с. 271-280.

- Вязьмитина, М. И. 1963. Ранние памятники скифского звериного стиля. *Советская археология*, 2, с. 158-170.
- Грэйвс, Р. 1992. *Мифы древней Греции*. Москва: Прогресс.
- Грязнов, М. П. 1980. *Аржан. Царский курган раннескифского времени*. Ленинград: Наука.
- Гуцал, А. Ф., Гуцал, В. А., Могилов, О. Д. 2001. Теклівські кургани на західному Поділлі. В: Посохов С. И. (ред.). *Древности Восточной Европы. Сборник научных трудов к 90-летию Б. А. Шрамко*. Харьков: ХНУ, с. 111-124.
- Древности... 1854. *Древности Боспора Киммерийского, хранящиеся в императорском музее Эрмитажа*. Санкт-Петербург.
- Зимовец, Р. В. 2015. Об одном условном полисемантическом образе в скифском искусстве звериного стиля. *Археологія і давня історія України*, 2 (15): Старожитності раннього залізного віку, с. 55-64.
- Зимовец, Р. В., Скорый С. А., Окатенко В. Н. 2018. Бронзовая матрица с Бельского городища: к вопросу о центральноазиатских мотивах в раннескифском зверином стиле Северного Причерноморья. *Tyragetia*, 1, с. 219-236.
- Золото степу. 1991. В: Толочко, П. П., Мурзин, В. Ю. (ред.). *Археологія України*. Киев; Шлезвіг.
- Ильинская, В. А. 1968. *Скифы Днепровского Лесостепного Левобережья (курганы Посулья)*. Киев: Наукова думка.
- Ильинская, В. А. 1975. *Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин*. Киев: Наукова думка.
- Ильинская, В. А., Тереножкин, А. И. 1983. *Скифия VII—IV вв. до н. э.* Киев: Наукова думка.
- Иванчик, А. И. 2001. *Киммерийцы и скифы. Культурно-исторические и хронологические проблемы археологии восточноевропейских степей и Кавказа пред- и раннескифского времени*. Москва: Палеограф.
- Канторович, А. Р. 2015. *Скифский звериный стиль Восточной Европы: классификация, типология, хронология, эволюция*. Диссертация д. и. н. ИА РАН.
- Канторович, А. Р., Грибкова, А. А. 2011. Золотая пластина из коллекции МИДУ и сюжет лежащего кабана в скифском зверином стиле. *Вестник древней истории*, 4, с. 132-146.
- Капошина, С. И. 1956. О скифских элементах в культуре Ольвии. *Материалы по истории и археологии СССР*, 50: Ольвия и Нижнее Побужье в античную эпоху, с. 211-254.
- Кашаев, С. В. 2013. Тузлинские курганы (по материалам публикаций и архивов). *Российский археологический ежегодник*, 3, с. 362-373.
- Килуновская, М. Е., Семенов, В. А. 1999. Оленные камни Тувы (сюжеты, стиль, семантика). *Археологические весты*, 6, с. 130-145.
- Кирюшин, Ю. Ф., Тишкин, А. А. 1997. *Скифская эпоха Горного Алтая. Культура населения в раннескифское время*. Барнаул: Алтайский государственный университет.
- Кисель, В. А. 1997. *Священная секира скифов. Об одной находке из Келермеса*. Санкт-Петербург: МАЭ РАН.
- Кисель, В. А. 2003. *Шедевры ювелиров Древнего Востока из скифских курганов*. Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение.
- Ковалева, И. Ф., Мухопад, С. Е. 1982. Скифское погребение VI—V вв. до н. э. у с. Александровка. В: Тереножкин, А. И. (ред.). *Древности степной Скифии*. Киев: Наукова думка, с. 91-101.
- Ковпаненко, Г. Т. 1981. *Курганы раннескифского времени в бассейне р. Рось*. Киев: Наукова думка.
- Колотухин, В. А. 2000. *Киммерийцы и скифы Степного Крыма*. Симферополь: Сонат.
- Колтухов, С. Г., Сенаторов, С. Н. 2016. *Скифы предгорного Крыма в VII—IV вв. до н. э. Курганы 1890—1892 и 1895 гг. (по материалам Н. И. Веселовского и Ю. А. Кулаковского)*. Симферополь.
- Королькова, Е. Ф. 2006. *Звериный стиль Евразии. Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII—IV вв. до н. э.)*. Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение.
- Кузьмина, Е. Е. 1976. Скифское искусство как отражение мировоззрения одной из групп индоиранцев. В: Мелюкова, А. И., Мошкова, М. Г. (ред.). *Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии*. Москва: Наука, с. 52-65.
- Лесков, А. М. 1972. *Новые сокровища курганов Украины*. Ленинград: Аврора.
- Либеров, П. Д. 1965. Памятники скифского времени на Среднем Дону. *Свод археологических источников*, Д 1—31, с. 101-103
- Лопатин, В. А., Леонтьева, А. С. 2011. Культ вепря в искусстве древних индоиранцев. Опыт образно-логической реконструкции одного из объектов исторической памяти. *История и историческая память*, 3, с. 91-107.
- Максимов, Е. К. 1976. Новые находки савроматского звериного стиля в Поволжье. В: Мелюкова, А. И., Мошкова, М. Г. (ред.). *Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии*. Москва: Наука, с. 210-218.
- Максимова, М. И. 1954. Серебряное зеркало из Келермеса. *Советская археология*, 21, с. 281-305.
- Марченко, К. К., Житников, В. Г., Копылов, В. П. 2000. *Елизаветовское городище на Дону*. Москва: Палеограф. Pontus Septentrionalis, II.
- Мелюкова, А. И. 1976. К вопросу о взаимосвязях скифского и фракийского искусства. В: Мелюкова, А. И., Мошкова, М. Г. (ред.). *Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии*. Москва: Наука, с. 106-270.
- Могилов, О. Д. 2008. *Споряджена коня скифської доби у Лісостепу Східної Європи*. Київ; Кам'янець-Подільський: ІА НАНУ.
- Мозолевский, Б. Н. 1973. Скифские погребения у с. Нагорное близ г. Орджоникидзе на Днепропетровщине. В: Тереножкин, А. И. (ред.). *Скифские древности*. Киев: Наукова думка, с. 204-206.
- Мозолевський, Б. Н. 1979. *Товста Могила*. Київ: Наукова думка.
- Мурзин, В. Ю. 1984. *Скифская архайка Северного Причерноморья*. Киев: Наукова думка.
- Національний... 2011. *Національний музей історії України*. Київ: Мистецтво, 1.
- Ольговский, С. Я. 2014. *Цветная металлообработка Северного Причерноморья VII—V вв. до н. э. По материалам Нижнего Побужья и Среднего Поднепровья*. Москва: РФСОиН.
- Очир-Горяева, М. А. 2012. *Древние всадники степей Евразии*. Москва: Таус.
- Переводчикова, Е. В. 1994. *Язык звериных образов: Очерки искусства евразийских степей скифской эпохи*. Москва: Восточная литература.
- Полідовіч, Ю. Б. 2000. Скифські хрестоподібні бляхи. *Археологія*, 1, с. 35-48.
- Полин, С. В., Алексеев, А. Ю. 2018. *Скифский царский Александропольский курган IV в. до н. э. в Нижнем Поднепровье*. Киев; Берлин: Олег Філюк.

- Пузикова, А. И. 2001. *Курганные могильники скифского времени Среднего Подонья (публикация комплексов)*. Москва: Индрик.
- Савинов, Д. Г. 1987. Изображение «висящего» оленя на ритоне из Келермеса. В: Мартынов, А. И., Молодин, В. И. (ред.). *Скифо-сибирский мир. Искусство и идеология*. Новосибирск: Наука, с. 112-117.
- Савченко, Е. И. 2001. Могильник скифского времени «Терновое I — Колбино I» на Среднем Дону (погребальный обряд). В: Гуляев, В. И. (ред.). *Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. Труды Потуданской археологической экспедиции ИА РАН, 1993—2000 гг.* Москва: ИА РАН, с. 53-143.
- Силантјева, Л. Ф. 1959. Некрополь Нимфея. *Материалы и исследования по археологии СССР*, 69, с. 5-107.
- Скорый, С. А. 2003. *Скифы в Днепровской Правобережной Лесостепи (проблема выделения иранского этнокультурного элемента)*. Киев: ИА НАНУ.
- Скорый, С. А., Зимовец, Р. В. 2014. *Скифские древности Крыма. Материалы одной коллекции*. Киев: Олег Філюк.
- Скуднова, В. М. 1985. Скифские памятники из Нимфея. *Археология*, XXI, с. 306-318.
- Сокровища... 1985. *Сокровища курганов Адыгеи*. Москва: Советский художник.
- Членова, Н. Л. 1967. *Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры*. Москва: Наука.
- Членова, Н. Л. 1997. *Центральная Азия и скифы. Дата кургана Аржан и его место в системе культуры скифского мира*. Москва: ИА РАН.
- Чугунов, К. В., Парцингер, Г., Наглер, А. 2017. *Царский курган скифского времени Аржан-2 в Туве*. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН.
- Яковенко, Э. В. 1976. Предметы звериного стиля в раннескифских памятниках Крыма. В: Мелюкова, А. И., Мошкова, М. Г. (ред.). *Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии*. Москва: Наука, с. 131-132.
- Шедевры... 1987. *Шедевры древнего искусства Кубани*. Москва: Министерство культуры СССР.
- Шкурко, А. И. 1975. *Звериный стиль в искусстве и культуре Лесостепной Скифии (VII—III вв. до н. э.)*: Диссертация к. и. н. ИА АН СССР.
- Шкурко, А. И. 1976. О локальных различиях в искусстве лесостепной Скифии. В: Мелюкова, А. И., Мошкова, М. Г. (ред.). *Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии*. Москва: Наука, с. 90-105.
- Эрлих, В. Р., Шамба, Г. К. 2005. К вопросу о влиянии прикубанского искусства на звериный стиль Центральной Абхазии. *Материалы и исследования по археологии Кубани*, 5, с. 164-171.
- Borovka, G. 1928. *Scythian Art*. London: Ernest Benn.
- Boardman, J. 1976. *Athenian blackfigure vases*. London: Thames & Hudson.
- Bittel, K. 1976. *Les Hittites*. Gallimard.
- Leskov, A. M. 2008. *The Maikop Treasure*. Philadelphia: University of Pennsylvania Museum of Archaeology and Anthropology.
- Vaticano Museo Gregoriano Etrusco. 2003. Milano: FMR spa, Gruppo ART'E'.
- Schiltz, V. 1994. *Les Scythes et les nomads des steppes. VIII siècle avant J.-C. — I siècle apres J.-C.* Gallimard.
- REFERENCES**
- Alekseev, A. Yu. 1991. Hronologiya i hronografiya Prichernomorskoj Skifii v V v. do n. e. In: Piotrovskij, B. B. (ed.).
- Arheologicheskij sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha*, 31, s. 43-57.
- Alekseev, A. Yu. 2000. *Hronografiya Evropejskoj Skifii VII—IV vv. do n. e.* Sankt-Peterburg: Gosudarstvennyj Ermitazh.
- Alekseev, A. Yu. 2012. *Zoloto skifskih carej v sobranii Ehrmitazha*. Sankt-Peterburg: Gosudarstvennyj Ermitazh.
- Alekseev, A. Yu., Murzin, V. Yu., Rolle, R. 1991. *Chertomlyk (skifskij carskij kurgan IV v. do n. e.)*. Kiev: Naukova dumka.
- Artamonov, M. I. 1973. *Sokrovishcha sakov. Amudar'inskij klad. Altajskie kurgany. Minusinskie bronzy. Sibirskoe zoloto*. Moskva: Iskusstvo.
- Artamonov, M. I. 1966. *Sokrovishcha skifskih kurganov v sobranii Gosudarstvennogo Ermitazha*. Praga; Leningrad: Ar-tiya; Sovetskij hudozhnik.
- Batchaev, V. M. 1985. Drevnosti predskifskogo i skifskogo periodov. In: Markovin, V. I. (ed.). *Arheologicheskie issledovaniya na novostrojках Kabardino-Balkarii v 1972—1979 gg.* Načhik: El'brus, s. 7-115.
- Bejzenov, A. Z., Dzhumabekova, G. S., Bazarbaeva, G. A. 2015. *Iskusstvo sakov Saryarki*. Almaty: Institut arheologii im. A. H. Margulana.
- Bejzenov, A. Z., Mar'jashev, A. N. 2014. *Petroglify ran-nego zheleznogo veka Zhetyssu*. Almaty: Institut arheologii im. A. H. Margulana.
- Bessonova, S. S., Zymovec, R. V., Skoryj, S. A. 2016. Bronzovaya matrica skifskogo vremena, najdenaya v pojme reki Trubezh (predvaritel'naya publikacija). *Arheologiya i davnya istoriya Ukrainy*, 2 (19): Starozhitnosti rann'ogo zaliznogo viku, s. 189-205.
- Bessonova, S. S., Skoryj, S. A. 1986. Pogrebenie skifskogo voina iz Aktashskogo mogil'nika v Vostochnom Krymu. *Sovetskaya arheologiya*, 4, s. 158-170.
- Bidzilya, V. I., Polin, S. V. 2012. *Skifskij carskij kurgan Gajmanova Mogila*. Kiev: Skif.
- Bobrinskij, A. A. 1901. *Kurgany i sluchajnye arheologicheskie nahodki bliz mestechka Smely. Dnevnik raskopok 1889—1897 gg.* Sankt-Peterburg: Glavnoe Upravlenie udelov, 3.
- Boltrik, Yu. V. 1998. Vepr' — odin iz simvolov skifskogo Aresa. In: Vilinbahov, G. V., Stolyar, A. D. (eds.). *Skify. Hazyary. Slavyane. Drevnyaya Rus'. Mezhdunarodnaya nauch-naya konferenciya, posvyashchyonnaya 100-letiyu so dnya rozhdeniya professora M. I. Artamonova. Sankt-Peterburg, 9—12 dekabrya, 1998 g.* Sankt-Peterburg: Gosudarstvennyj Ermitazh, s. 80-81.
- Vahtina, M. Yu. 2005. Grecheskoe iskusstvo i iskusstvo Evropejskoj Skifii v VII—IV vv. do n. e. In: Marchenko, K. K. (ed.). *Griki i varvary Severnogo Prichernomor'ya v skifskuyu epohu*. Sankt-Peterburg: Aletejya, s. 297-399.
- Vertienko, A. V. 2014. Obraz vep'rya v iranskoj tradicii — narrativ i vizualizaciya. *Stratum plus*, 3, s. 271-280.
- Vyaz'mitina, M. I. 1963. Rannie pamyatniki skifskogo zverinogo stilya. *Sovetskaya arheologiya*, 2, s. 158-170.
- Grehjov, R. 1992. *Mify drevnej Grecii*. Moskva: Progress.
- Gryaznov, M. P. 1980. *Arzhan. Carskij kurgan ranneskifskogo vremena*. Leningrad: Nauka.
- Gucal, A. F., Gučal, V. A., Mogilov, O. D. 2001. Teklivs'ki kurgani na zahidnomu Podilli. In: Posohov, S. I. (ed.). *Drevnosti Vostočnoj Evropy. Sbornik nauchnyh trudov k 90-letiyu B. A. Shramko*. Harkov: HNU, s. 111-124.
- Drevnosti... 1854. *Drevnosti Bospora Kimmerijskogo, hranyashchiesya v imperatorskom muzee Ermitazha*. Sankt-Peterburg.
- Zymovec, R. V. 2015. Ob odnom uslovnom polisemanticheskom obraze v skifskom iskusstve zverinogo stilya. *Arheologiya i davnya istoriya Ukrainy*, 2 (15): Starozhitnosti rann'ogo zaliznogo viku, s. 55-64.
- Zymovec, R. V., Skoryj, S. A., Okatenko, V. N. 2018. Bronzovaya matrica s Bel'skogo gorodishcha: k voprosu o central'noaziatskih motivah v ranneskifskom zverinom stile Severnogo Prichernomor'ya. *Tyragetia*, 1, s. 219-236.
- Zoloto stepu. 1991. In: Tolochko, P. P., Murzin, V. Yu. (ed.). *Arheologiya Ukrainy*. Kiev; Shlezvig.
- Il'inskaya, V. A. 1968. *Skify Dneprovskogo Lesostepnogo Levoberezh'ya (kurgany Posul'ya)*. Kiev: Naukova dumka.
- Il'inskaya, V. A. 1975. *Ranneskifskie kurgany basejna r. Tyasmin*. Kiev: Naukova dumka.

- I'inskaya, V. A., Terenozhkin, A. I. 1983. *Skifiya VII—IV vv. do n. e.* Kiev: Naukova dumka.
- Ivanchik, A. I. 2001. *Kimmerijcy i skify. Kul'turno-istoricheskie i historicheskie problemy arheologii vostochno-evropejskikh stepej i Kavkaza pred- i ranneskifskogo vremeni.* Moskva: Paleograf.
- Kantorovich, A. R. 2015. *Skifskij zverinyj stil' Vostochnoj Evropy: klassifikaciya, tipologiya, hronologiya, ehvolyuciya.* Dissertatsia d. i. n. IA RAN.
- Kantorovich, A. R., Gribkova, A. A. 2011. Zolotaya plastina iz kolekcii MIDU i syuzhet lezhashchego kabana v skifskom zverinom stile. *Vestnik drevnej istorii*, 4, s. 132-146.
- Kaposhina, S. I. 1956. O skifskih ehlementah v kul'ture Ol'vii. *Materialy po istorii i arheologii SSSR*, 50: Ol'viya i Nizhnee Pobuzhye v antichnuyu ehposu, s. 211-254.
- Kashaev, S. V. 2013. Tuzlinskie kurgany (po materialam publikacij i arhivov). *Rossijskij arheologicheskij ezhegodnik*, 3, s. 362-373.
- Kilunovskaya, M. E., Semenov, V. A. 1999. Olennye kamni Tuvy (syuzhety, stil', semantika). *Arheologicheskie vesti*, 6, s. 130-145.
- Kiryushin, Yu. F., Tishkin, A. A. 1997. *Skifskaya ehpora Gornogo Altaya. Ch. I. Kul'tura naseleniya v ranneskifskoe vremya.* Barnaul: Altajskij gosudarstvennyj universitet.
- Kisel', V. A. 1997. *Syashchennaya sekira skifov. Ob odnoj nahodke iz Kelermesa.* Sankt-Peterburg: MAE RAN.
- Kisel', V. A. 2003. *Shedevry yuvelirov Drevnego Vostoka iz skifskih kurganov.* Sankt-Peterburg: Peterburgskoe vostoковедение.
- Kovaleva, I. F., Muhopad, S. E. 1982. Skifskoe pogrebenie VI—V vv. do n. e. u s. Aleksandrovska. In: Terenozhkin, A. I. (ed.). *Drevnosti stepnoj Skifii.* Kiev: Naukova dumka, s. 91-101.
- Kovpanenko, G. T. 1981. *Kurgany ranneskifskogo vremeni v bassejne r. Ros'.* Kiev: Naukova dumka.
- Kolotuhin, V. A. 2000. *Kimmerijcy i skify Stepnogo Kryma.* Simferopol': Sonat.
- Koltuhov, S. G., Senatorov, S. N. 2016. *Skify predgornogo Kryma v VII—IV vv. do n. e. Kurgany 1890—1892 i 1895 gg. (po materialam N. I. Veselovskogo i Yu. A. Kulakovskogo).* Simferopol'.
- Koro'kova, E. F. 2006. *Zverinyj stil' Evrazii. Iskusstvo plemen Nizhnego Povolzh'ya i YUzhnogo Priural'ya v skifskuyu ehposu (VII—IV vv. do n. e.).* Sankt-Peterburg: Peterburgskoe vostoковедение.
- Kuz'mina, E. E. 1976. Skifskoe iskusstvo kak otrazhenie mirovozzreniya odnoj iz grupp indoirancev. In: Melyukova, A. I., Moshkova, M. G. (eds.). *Skifo-sibirskij zverinyj stil' v iskusstve narodov Evrazii.* Moskva: Nauka, s. 52-65.
- Leskov, A. M. 1972. *Novye sokrovishcha kurganov Ukrainy.* Leningrad: Avrora.
- Liberov, P. D. 1965. Pamyatniki skifskogo vremeni na Srednem Donu. *Svod arheologicheskikh istochnikov*, D 1—31, s. 1-103.
- Lopatin, V. A., Leont'eva, A. S. 2011. Kul't veprya v iskusstve drevnih indoirancev. Opyt obrazno-logicheskoy rekonstrukcii odnogo iz objektov istoricheskoy pamyati. *Istorija i istoricheskaja pamyat'*, 3, s. 91-107.
- Maksimov, E. K. 1976. Novye nahodki savromatskogo zverinogo stilya v Povolzh'e. In: Melyukova, A. I., Moshkova, M. G. (eds.). *Skifo-sibirskij zverinyj stil' v iskusstve narodov Evrazii.* Moskva: Nauka, s. 210-218.
- Maksimova, M. I. 1954. Serebryanoe zerkalo iz Kelermesa. *Sovetskaya arheologiya*, 21, s. 281-305.
- Marchenko, K. K., Zhitnikov, V. G., Kopylov, V. P. 2000. *Elizavetovskoe gorodishche na Donu.* Moskva: Paleograf. Pontus Septentrionalis, II.
- Melyukova, A. I. 1976. K voprosu o vzaimosvyazyah skifskogo i frakijskogo iskusstva. In: Melyukova, A. I., Moshkova, M. G. (eds.). *Skifo-sibirskij zverinyj stil' v iskusstve narodov Evrazii.* Moskva: Nauka, s. 106-270.
- Mogilov, O. D. 2008. *Sporyadzhena konya skifs'koj dobi u Lisostepu Skhidnoi Evropy.* Kyiv: Kamyane-Podilskij: IA NANU.
- Mozolevskij, B. N. 1973. Skifskie pogrebeniya u s. Nagornoe bliz g. Ordzhonikidze na Dnepropetrovshchine. In: Terenozhkin, A. I. (ed.). *Skifskie drevnosti.* Kiev: Naukova dumka, s. 204-206.
- Mozolevskij, B. N. 1979. *Tovsta Mogyla.* Kyiv: Naukova dumka.
- Murzin, V. Yu. 1984. *Skifskaya arhaika Severnogo Prichernomorja.* Kiev: Naukova dumka.
- Nacional'nij... 2011. *Nacional'nij muzej istorii Ukrainy.* Kyiv: Mistcetvo, 1.
- Ol'govskij, S. Ya. 2014. *Cvetnaya metalloobrabotka Severnogo Prichernomorja VII—V vv. do n. e. Po materialam Nizhnego Pobuzh'ya i Srednego Podneprov'ya.* Moskva: RFSoiN.
- Ochir-Goryaeva, M. A. 2012. *Drevnie vsadniki stepej Evrazii.* Moskva: Taus.
- Perevodchikova, E. V. 1994. *Yazyk zverinyh obrazov: Ocherki iskusstva evrazijskikh stepej skifskoj epohi.* Moskva: Vostochnaya literatura.
- Polidovich, Yu. B. 2000. Skifs'ki hrestopodibni blyahy. *Arheologiya*, 1, s. 35-48.
- Polin, S. V., Alekseev, A. Yu. 2018. *Skifskij carskij Aleksandropol'skij kurgan IV v. do n. e. v Nizhnem Podneprov'je.* Kiev; Berlin: Oleg Filyuk.
- Puzikova, A. I. 2001. *Kurgannye mogil'niki skifskogo vremeni Srednego Podon'ya (publikaciya kompleksov).* Moskva: Indrik.
- Savinov, D. G. 1987. Izobrazhenie «visyashchego» olenya na ritone iz Kelermesa. In: Martynov, A. I., Molodin, V. I. (eds.). *Skifo-sibirskij mir. Iskusstvo i ideologiya.* Novosibirsk: Nauka, s. 112-117.
- Savchenko, E. I. 2001. Mogil'nik skifskogo vremeni «Ternovoe I — Kolbino B» na Srednem Donu (pogrebal'nyj obryad). In: Gulyaev, V. I. (ed.). *Arheologiya Srednego Dona v skifskuyu ehposu. Trudy Potudanskoj arheologicheskoy ehkspedicii IA RAN, 1993—2000 gg.* Moskva: IA RAN, s. 53-143.
- Silant'eva, L. F. 1959. Nekropol' Nimfeya. *Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR*, 69, s. 5-107.
- Skoryj, S. A. 2003. *Skify v Dneprovskoj Pravoberezhnoj Lesostepi (problema vydeleniya iranskogo ehnokul'turnogo ehlementa).* Kiev: IA NANU.
- Skoryj, S. A., Zymovec R. V. 2014. *Skifskie drevnosti Kryma. Materialy odnoj kolekcii.* Kiev: Vidaveč Oleg Filyuk.
- Skudnova, V. M. 1985. Skifskie pamyatniki iz Nimfeya. *Arheologiya*, XXI, s. 306-318.
- Sokrovishcha... 1985. *Sokrovishcha kurganov Adygei.* Moskva: Sovetskij hudozhnik.
- Chlenova, N. L. 1967. *Proiskhozhdenie i rannaya istoriya plemen tagarskoj kul'tury.* Moskva: Nauka.
- Chlenova, N. L. 1997. *Central'naya Aziya i skify. I. Data kurgana Arzhan i ego mesto v sisteme kul'tur skifskogo mira.* Moskva: IA RAN.
- Chugunov, K. V., Parcinger, G., Nagler, A. 2017. *Carskij kurgan skifskogo vremeni Arzhan-2 v Tuve.* Novosibirsk: IAET SO RAN.
- Yakovenko, E. V. 1976. Predmety zverinogo stilya v ranneskifskih pamyatnikah Kryma. In: Melyukova, A. I., Moshkova, M. G. (eds.). *Skifo-sibirskij zverinyj stil' v iskusstve narodov Evrazii.* Moskva: Nauka, s. 131-132.
- Shedevry... 1987. *Shedevry drevnego iskusstva Kubani.* Moskva: Ministerstvo kul'tury SSSR.
- Shkurko, A. 1975. *Zverinyj stil' v iskusstve i kul'ture Lesostepnoj Skifii (VII—IV vv. do n. e.):* Dissertatsia k. i. n. IA AN SSSR.
- Shkurko, A. I. 1976. O lokal'nyh razlichiyah v iskusstve lesostepnoj Skifii. In: Melyukova, A. I., Moshkova, M. G. (eds.). *Skifo-sibirskij zverinyj stil' v iskusstve narodov Evrazii.* Moskva: Nauka, s. 90-105.
- Erlh, V. R., Shamba, G. K. 2005. K voprosu o vliyanii prikubanskogo iskusstva na zverinyj stil' Central'noj Abhazii. *Materialy i issledovaniya po arheologii Kubani*, 5, s. 164-171.
- Borovka, G. 1928. *Scythian Art.* London: Ernest Benn.
- Boardman, J. 1976. *Athenian blackfigure vases.* London: Thames & Hudson.
- Bittel, K. 1976. *Les Hittites.* Gallimard.
- Leskov, A. M. 2008. *The Maikop Treasure.* Philadelphia: University of Pennsylvania Museum of Archaeology and Anthropology.
- Vaticano Museo Gregoriano Etrusco. 2003. Milano: FMR spa, Gruppo ART'E'.
- Schiltz, V. 1994. *Les Scythes et les nomads des steppes. VIII siècle avant J.-C. — I siècle apres J.-C.* Gallimard.

R. V. Zymovets

**IMAGE OF A WILD BOAR IN THE
SCYTHIANS ANIMAL STYLE OF
THE NORTHERN PONTIC REGION.
INTERNAL EVOLUTION AND
EXTERNAL IMPACTS**

The article deals with relatively rare but important for Scythians animal style repertoire image of a wild boar. The sources of iconography and style of the image are analyzed, as well as his inner evolution and external influences from Central Asia, Near East, Iran and Greece. Full figure image of a wild boar in the Northern Black Sea region in archaic period are very rare unlike Central Asia and Southern Seberia, where these images were quite popular. Nevertheless some typical Asian styled figures (in a «sudden stop» pose or standing «on a hoof tips») are represented in Kuban' and Dniepr Forrest-Steppe regions. Obviously they connected to Central Asia tradition and may be an evidence of migration process from eastern region to the Northern Black Sea in VII—VI centuries BC. The article notes, that already in archaic period in Scythians burials being discovered artifacts with typical Greek and Middle East images of a wild boar as well as Celtic imports from Central Europe.

In classical period the situation is changing. A new wild boar image iconography appears: with bent legs. At the current stage of research it's impossible to unambiguously determine a geographical source of such image: was it Central Asia or Near East. The images with new iconography performed mostly in gold and

decorated most often the weapons (bow cases, sword sheaths), ritual and cult items (bowls, rhytons, head-dress). At the same time the image of a separate wild boar head appears. It became more popular than full figures and gained wider distribution from the late VI — early V century BC. It being developed in two stylistic directions: laconic, connected with Sauromathian impact and realistic-decorative, as a result of further development of this image by Bosphorus artisans.

The article also deals with semantics of the image. Many researchers associated the image of a wild boar with the embodiments of gods of war and victory — Indo-Iranian Veretragna and Scythians Ares. Author argues that a wild boar could be associated also with a chthonic destructive power and victory over him made the winning warrior a real hero, equal to his «cosmic» rival.

Two new artefacts with a wild boar images from the territory of Crimea peninsula are introduced into scientific circulation.

Keywords: Scythians animal style, image of a wild boar, Sauromates, Bosphorus.

Одержано 14.02.2019

ЗИМОВЕЦЬ Роман Віталійович, кандидат філософських наук, науковий співробітник, Інститут філософії ім. Г. С. Сковороди НАН України, вул. Трьохсвятительська, 4, Київ, 02000, Україна, *romanzimovets@gmail.com*.

ZYMOVETS Roman Vitaliyovych, PhD on Philosophy, researcher, Grygory Skovoroda Institute of Philosophy, National Academy of Sciences of Ukraine, Tryohsviatytelska str., 4, Kyiv, 02000, Ukraine, *romanzimovets@gmail.com*.